Кадетская ПЕРЕКЛИЧКА

№ 8
1974

КАДЕТСКАЯ ПЕРЕКЛИЧКА

Периодический журнал Объединения Кадет Российских
Зарубежных Кадетских Корпусов, Нью-Йорк, США

№ 8 Нью-Йорк 1974

Художественная обработка А. Н. Родзевич

"CADETS ROLLCALL"

Periodical Magazine (3-4 issues yearly)
Published by Association of Russian Cadets graduated
outside of Russia, Inc.
New York, USA

Subscription price $7.00 USA for one year
$2.50 USA per single copy

Managing Editor
Paul Olferiev
4187 Frame Place.
Flushing, N. Y. 11355 U.S.A.

ОГЛАВЛЕНИЕ

МОЛИТВА

Как легко мне жить с Тобой, Господи!

Как легко мне верить в Тебя!

Когда расступается в недоумении или сникает ум мой,

Когда умнейшие люди не видят дальше сегодняшнего вечера и не знают, что надо делать завтра,

Ты снисылаешь мне ясную уверенность, что Ты есть и что Ты позаботишься, чтобы не все пути добра были закрыты.

На хребте славы земной я с удивлением оглядываюсь на тот путь через безнадежность — сюда, откуда и я смог послать человечеству отблеск лучей Твоих.

И сколько надо будет, чтоб я их еще отразил, — Ты дашь мне.

А сколько не успею — значит, Ты определил это другим.

А. И. Солженицын.

СОЛЖЕНИЦЫН

Вышла из печати в Париже новая книга А. Солженицына — Архипелаг Гулаг. Для всех нас это не просто книга уже прославившегося великого русского таланта, но событие огромной важности, событие всероссийского масштаба. Мы даже приписываем этому труду А. Солженицына всемирное значение, поскольку с судьбой России связана судьба всего мира.

Теперь за всеми неурядицами, революциями, мятежами, бунтами стоит не Россия, а СССР.

И все эти последние пятьдесят четыре года Россия на скамье подсудимых перед коммунистической партией СССР. Ни в чем неповинная она все время была виноватой и наполняла своими самыми верными сынами тюрьмы, ссылки, лагеря, о ужасах которых мы читали и знали со слов чудом спасшихся людей, которых мы встречали сотнями среди так называемых Ди Пи. Нам всем известна фраза энкаведиста «был бы человек, а статья найдется», или другая фраза: «вы хотите умереть, это самое легкое, это люкс, который мы вам предоставить не можем. Вы будете умирать медленно, постепенно». На этих двух фразах, как на двух принципах патологической криминологии держится террором весь строй СССР.

И вот, первый раз за все 54 года русский народ устами своего верного сына, А. Солженицына, обвиняет в лицо коммунистов в самом их логовище в убийстве миллионов ни в чем неповинных людей, в попытке геноцида русского народа. Александр Солженицын, а с ним весь русский народ, теперь сажает на скамью подсудимых СССР с его компартией, с его МВД или НКВД. Роли переменились в диаметральном направлении. История повторяется; перед нами снова Давид и Го-

лиаф. Слово сказано на весь мир. Вернуть его нельзя. Правдивость обвинительных слов столь сильна, что никакой ложью большевики не смогут притупить жала этого обвинения. Александр Солженицын понял, что всемирную известность даровал ему Господь; что его священный долг с этой всемирной трибуны во всеуслышание сказать слово правды, что только он может это сделать и он это сделал. Он мог бы и далее жить в сравнительной безопасности и наслаждаться своими литературными лаврами, и даже выехать за границу, но он не такого духовного калибра человек. Мы, все русские зарубежом, преклоняемся перед подвигом исповедничества и мученичества этого великого человека, верного сына России, истинного раба Божия, сжегшего позади себя все мосты и вступившего на славный путь Божиего свидетеля-мученика. Встать на такой путь без помощи Божией невозможно. Господь его вдохновил, Господь его ведет и влагает в уста его, по слову Евангелия, «премудрость, которой не возмогут противоречить, ни противостоять все противящиеся вам» (Лк. 21, 15). Нам же всем надо усердно молиться за него, за раба Божия Александра, о чем я усердно прошу всех пастырей и пасомых нашей Русской Православной Зарубежной Церкви.

† Архиепископ Виталий.

ВЕЛИКОПОСТНЫЕ ЧАСЫ.

Храм освещен немногими свечами,
Проходит служба тихо в полутьме,
Как раньше у христиан гонимых палачами
В молельнях темных вырытых в земле.

Без пенья громкого, без пышных облачений,
Без моря яркого огня,
А с тихим пеньем строгих песнопений
И чтением молитв в тени у алтаря.

Такая служба приближает к Богу,
Туманит взор предательски слеза
И вспоминаешь долгую тернистую дорогу
Того кто на кресте за нас закрыл глаза.

Склоненный лик Его чуть виден на иконе
И также клонится невольно голова,
Когда читает Пастырь на амвоне
Молитвы скромной чудные слова:

«Владыко жизни, Бог творенья,
Не дай мне праздности и брата осудить,
Ей Господи, Царю, дай зрети прегрешенья
И научи терпеть, смиряться и любить».

Н. Домерщиков. Р.К.К.

КОННЫЙ ПРАЗДНИК*)

ИЗЪ ДОНСКОЙ ПОВЕСТИ МИНУВШИХ ЛЕТ: «ДОНСКОЙ КАДЕТСКИЙ КОРПУС»

В конце июня получил приглашение на конный праздник Новочеркасского Военного училища. Решил ехать непременно, тем более, что праздник пришелся как раз в воскресенье и не нужно было проситься в отпуск. Заехал сперва в лагерь нашего кадетского корпуса, а оттуда всей компанией, с дамами, их детишками и всеми кадетами, сели в специальный поезд, назначенный для этого торжества. Поезд шел из Ростова и на каждой станции в него садились гости, желавшие полюбоваться своим училищем. В вагонах полным полно. Дамы и девицы в шикарных летних туалетах. Масса офицеров, немало и штатских. Поезд остановился на платформе «Лагерная», вся публика высыпала из него.

Училище вышло полностью, во главе со своим начальником, генерал-майором Поповым, встречать гостей.

Послеобеденное солнышко еще сильно припекало. Душно и жарко. Дамы и девицы раскрыли зонтики и будто масса букетов замелькала между военными и штатскими костюмами мужчин. Блеск солнышка придает особенно красивые оттенки толпе. Слышен оживленный разговор и смех. Приветствуют друг друга. Жалуются на жарищу, на тесноту в поезде и несмотря на это, все имеют довольный вид, улыбаются, отирая с раскрасневшихся лиц пот и поездную пыль.

Генерал ведет гостей к трибунам. Более почетных сажают на стулья, прочие усаживаются на простых деревянных скамейках, поставленных в несколько рядов. Однако, скамеек не хватает и вокруг них, полукругом, становятся гости-мужчины. Выходит еще красивее. Нежный разноцветный, блестящий

---

*) Полковник В. Н. Биркин, офицер-воспитатель Донского Императора Александра III Кадетского Корпуса, написал эту статью для Донской повести минувших дней, "Донской Кадетский Корпус". В 1956 г. по просьбе войскового старшины Б. В .Суровецкого, офицера-воспитателя Корпуса, статья была напечатана в газете "Россия". Рукопись любезно предоставлена нам для напечатания в "Кадетской Перекличке".

букет всех цветов радуги с преобладающим белым цветом, обрамляет теперь порт-букетом цвета хаки, в который вкраплены цвета штатских костюмов.

Перед трибуной устроен солидный барьер, по другую сторону которого видна блестящая дорожка, уставленная по бокам разными снарядами и чучелами для упражнения в рубке. А за дорожкой расстилается в даль бесконечная степь.

Слева от трибуны стоят спешенные и конные юнкера, готовые к состязанию. Будут рубить лозу, кугу и глину.

К месту каждого упражнения подошли судьи-офицеры. Казаки предъявили им приготовленные для рубки снаряды и затем укрепили их на станках.

Мелодично звучит сигнал начинать. Вдали от группы юнкеров отделяется всадник. Идет сперва шагом... Вот он выхватил из ножен шашку, пустил коня рысью... вдруг пригнулся и ринулся полным карьером вдоль блестящей дорожки.

Дамский цветник дружно вздрогнул.

Юнкер — мастер своего дела: отчетливым, коротким движением поднимает вверх шашку на всю вытянутую руку и молниеносным ударом обрушивает ее на первую цель — лозу, стоящую вертикально, на высоте человеческого роста. Мгновение лоза стоит по-прежнему, будто до нее и не дотронулись, — но вот верхушка ее, срубленная на высоте плеч, скользнула отвесно вниз. Это показывает, что удар был правильный. При малейшей ошибке отрубленный кусок отбросило бы в сторону и, чем грубее ошибка, тем дальше отлетел бы кусок.

А юнкер коротким движением взял шашку в плечо, сейчас же вытянул ее вперед, перевел руку в левую сторону шеи лошади и, чрезвычайно искусным движением кисти, направил конец шашки в тряпичный шар, покоившийся на вкопанном в землю бревне. Шар изображал человеческую голову. Конец шашки вошел в этот шар и вместе с тем далеко отбросил его от столба.

Что крепче? Материя ли, из которой свернут шар, или голова противника?.. Дамский цветник очевидно тоже подумал об этом до удара, а после удара дружно ахнул.

Юнкер не спеша и методически-чисто работая шашкой, продолжал рубить лозу налево, лозу направо, поставленную горизонтально к земле, на высоте сильно пригнувшегося человека, опять лозу уже у самой земли, будто лежащего человека.

Ни одного промаха. Но вот предметы посолиднее. Один за другим следуют три пучка куги, связанные в тугие цилиндры в аршин длиной, в руку и ногу толщиной. Эти цилиндры растянуты веревками между рогаткой. Рубить надо горизонтально растянутый пучок, вертикально стоящий и наклонный. Многие любопытные не могли удержаться, чтобы не попробовать рукой плотность пучка.

«Не сумлевайтесь, ваше высокоблагородие!» — сказал казак, стоявший у куги:

— «Пучек будет поплотнее руки, аль ноги! Кто перерубит пучек, тот также чисто рассечет пополам и руку и ногу!»

«А кость?» — не удержался я спросить.

«Да и кость тоже не будет покрепче! — был бы удар правильный, а рассечет ее, что твое масло».

«А ты рубил руки?»

«Никак нет! — а ребята, что на войне были, сказывали. Как только по правилу рубнешь, так и доктора не нужно. Мало того, что руку начисто отчешет, а если еще и бок зацепил, столько и разрежет!»

«А если неправильно?»

«Если, значит, ошибется... — тогда шашка из руки выскочить может. Затем и темляк на кисть одевается. Ошибки тоже и у нашего брата бывают».

«А с ошибкой все-таки разрубит или нет» — полюбопытствовал я.

«Как когда!.. — Очерапать, конечно, очень даже возможно, но начисто не срубишь!»

После этого разговора я так и остался стоять недалеко от казака и, по правде сказать, с замиранием сердца следил за результатом. Вихрем пронесся мимо нас юнкер. Сверкнула шашка. Послышались легкие звуки, будто, кто-то сказал: «та», втягивая в себя воздух и все три пучка куги были начисто разрублены. Глаз едва успевал следить за работой всадника. Куски куги повисли и заболтались на веревках, а в то же мгновение юнкер уже рубнул последнюю фигуру — глину, в форме большой турецкой фески, стоявшей на обрубке бревна. Глиняная феска не дрогнула.

«Промахнулся!» — мелькнуло у меня в голове, но в ту же минуту казак подошел, взял обеими руками верхушку фески и поднял ее вверх. Глина была начисто разрезана косым ударом.

Дружный крик одобрения вырвался у зрителей. Дамы замахали платочками.

А лихой юнкер, проскакав очень немного после последнего удара, круто осадил коня, повернул его и шагом поехал обратно по дорожке, мимо восхищенных зрителей. Конь раздувал ноздри, фыркал и пытался играть. Он был возбужден, как и его всадник. У юнкера раскраснелось лицо и тоже раздувались ноздри.

Всадник принял горделивую осанку. Повернул высоко поднятую голову в сторону трибун, и отдавая этим жестом установленную честь, он, как картинка, проследовал мимо. Его приветствовали громкие крики одобрения и гром аплодисментов. Особенно старались наши кадеты. Зрелище рубки привело их в экстаз. Некоторые яростно аплодировали и кричали — ура!

Дамы потребовали показать им пучки разрубленной кути и очень мило изображали на своих лицах ужас, когда офицеры галантно подносили к ним обрубки, показывая чистоту срезов.

«Значит рука или нога также будет отрублена?» Слышались их восклицания.

«Ах!.. — это ужасно!..»

«Еще бы не ужасно!» — сочно и громко рассмеялся начальник училища.

«Долго ли работал юнкер? — всего и минуты не выйдет, а ведь будь это на самом деле, он, как видите, успел бы зарубить восемь человек: оттяпав начисто несколько рук, да разрубив три-четыре башки!»

«Ах! — что вы говорите!» закричали дамы и девицы, хватаясь за виски и зажимая уши пальчиками.

Распорядитель дал сигнал и от фронта конных отделился всадник. Его лошадь не хотела отходить от строя. Она упрямо мотала головой, давала козлов и, наконец, быстро проскакав небольшой круг, исчезла со всадником в группе конных.

«Это еще, что такое?» — сразу же рассердился генерал Попов.

«Беда с этими строевыми лошадьми!» — заговорили кругом офицеры: «есть такие, что никакими усилиями от строя оторвать нельзя!»

«Вот поэтому-то и нужны ежедневные, одиночные упражнения!» — говорил генерал — «чтобы приучить коня отделяться от строя...

«Да где же юнкер? — крикнул он нетерпеливо, «у кого он в смене? — на какой лошади?.. — отставить его от состязаний!..»

«Это один из лучших ездоков, Ваше Превосходительство!» — доложил адъютант училища, подъесаул Тарарин, высокий представительный офицер — «ему нарочно дали самую пугливую лошадь, самую упорную. Никто, кроме него не сможет оторвать ее от строя. Юнкер сам заявил, что нет лошади, которая не подчинилась бы ему».

«А!.. это другое дело!..» — уже горделиво промолвил генерал.

Юнкер опять вынырнул из строя конных. Его лошадь форменно ополоумела. Она вертелась волчком на месте, брыкалась, вставала на дыбы или низко нагнув голову и, расставив передние ноги, пятилась назад, вздрагивая всем телом при каждом ударе шпор.

«Да долго ли он будет возиться с конем?» — снова нетерпеливо крикнул генерал, — «отставить! следующего!..»

Но вот лошадь еще раз завертелась волчком, встала на дыбы и вдруг бешенно ринулась полным карьером вдоль дорожки.

Юнкер даже качнулся назад, но вмиг справился, прижался к луке и отвалился всем телом вправо, стараясь изо всех сил удержать коня на дорожке.

Лошадь видимо боялась толпы, трибун, она все время порывалась бросаться влево.

Трудно юнкеру. Едва, едва дотянул он коня до первой лозы, рубнул и срубил чисто.

Его лицо напряжено, глаза широко раскрылись, зубы оскалены, но он действительно молодец, так и не дал коню сойти с дороги и ни разу не промахнулся; все начисто срубил и колол.

Теперь уже, главным образом офицеры и юнкера приветствовали удальца шумными аплодисментами. Кавалеристы знают, что значит справиться с таким конем, да еще ни разу не промахнуться на такой трудной рубке.

Успех заставил и генерала сменить гнев на милость Лицо его перестало хмуриться и он уже снисходительно ласково посматривал на юнкера, проезжавшего перед трибунами. Конь весь дергался. Рукоплескания пугали его и он шел по дорожке боком, испуганно смотря на публику и вздрагивая всем телом от удара шпор или управления поводом.

Третий номер вызвал снова всеобщий восторг. Лошадь шла отлично. Юнкер рубнул первую, стоячую лозу, срубил самую ее верхушку и вдруг кинувшись всем телом назад рубнул по той же лозе вторично, замечательно чисто срубив второй кусок.

Дамы громко ахнули, они верно подумали, что юнкер падает. Когда же юнкер быстро поднялся и в тот же момент рубнул вторую лозу и пошел рубить направо и налево, то вслед ему понесся рев восторга.

Генерал одобрительно кивал головой. Офицеры обменивались знаками.

«Какой ловкач!» — громко воскликнула соседка генерала.

«И как просто сделал! — кинулся навзничь назад и рубнул второй раз!.. да как он успел?»

«Что ловкач... согласен» — забасил генерал, — «а что просто... не согласен!» — чтобы выкинуть такую штуку, простую, как вы полагаете, нужно быть не только природным наездником, но уже мастером, двух лет обучения для такой простой штуки недостаточно! — это трехгодичник?», — обернулся генерал к Тарраину.

«Так точно!» — коротко ответил одьютант.

«Так я и думал», — продолжал генерал: «только на третьем году упорной работы и может получиться такой джигит, когда сядет в седло по-настоящему и сольется с конем в одно целое!»

«А какая разница между двух и трех годичниками? — воскликнула дама, «разве не все юнкера одинаковы?»

«Нет! — не все!» — ответил любезно генерал, «трехгодичники это те, кто не окончил среднего учебного заведения». Они поступают по экзамену на особое отделение, подготовительное так сказать, которое дает сперва права средних учебных заведений, а потом, дальше, юнкера уже идут на общих основаниях с двухгодичниками. Этим лишним годом они сравниваются по образованию с юнкерами военных училищ, но зато в строевой подготовке обгоняют их чисто практически, как видите».

«Да мы заметили уже, что трехгодичники ездят лучше!» — сказал один из гостей офицеров.

«Так отчего же вы и всех не держите три года?» — наивно воскликнула дама.

Генерал ничего не ответил. Он смотрел на очередного ездока.

Рубка прошла блестяще. Из десяти состязавшихся только двое промахнулись по одному разу, да и то не по их вине, а помешали лошади, пугавшиеся шумных трибун. Однако, генерал Попов сильно разгневался на промахи.

«Это недопустимо! — не стесняясь выговаривал он своим офицерам: — «если лучшие промахнулись, то что же можно ожидать от остальных!»

«Обстановка непривычная!» — сказал один из офицеров, — «пугает коней!»

«Не оправдание! — громким голосом, прервал последнее замечание генерал: — «А война, по-вашему, значит привычная обстановка?.. мало работали!.. Если конь испугался здесь, испугается и на войне, обносить начнет. Кому, и на кой черт, тогда такая кавалерия нужна?!»

Никто не решился уже спорить и возражать, да и некогда было: началось состязание в ударе пикой.

На дорожку выехал первый номер. Это состязание велось в обратном порядке. Юнкера сперва проезжали мимо трибун, потом быстро поворачивали кругом на месте и кидались в атаку.

Первым выехал огромный, красивый юнкер, на высоком горбоносом дончаке.

Острие пики высоко стоит над головой. Юнкер медленно и картинно проезжает перед публикой, отдавая ей честь поворотом головы, держа пику, «на бедро», но видимо смотрит не на начальство, а на барышень, которые машут красавцу платочками.

Губы юнкера чуть-чуть вздрагивают, удерживая счастливую улыбку, готовую вот-вот сорваться и осветить лицо.

А он действительно красив, могучей мужской красотой. Энергичное лицо, крупное, открытое, светится сознанием своей силы.

Стройный, прямой, как стрела, стан, широченные плечи. Кулак, зажавший пику так велик, что обращает на себя внимание. Но ничто не портит благоприятного впечатления: пропорции фигуры соблюдены, так тщательно, что нельзя не любоваться этим гигантом.

«Гимназист...» — раздалось сзади из рядов кадет. «Наш станичник! Каменской станицы! Кундрюцков! Самый лихой юнкер! — даже наших кадет за пояс заткнул».

«Брат нашего?»

«Двоюродный!»

Барышни не выдержали. Очень уж им понравился мужественный воин. Кто-то из них захлопал в ладоши и весь цветник вдруг начал оглушительно аплодировать.

«То-то!» — самодовольно сказали представители непрекрасного, но сильного пола.

Юнкер уже проехал трибуны, вдруг круто повернул коня кругом, пика мгновенно склонилась вниз, раздалось типичное казачье гиканье и громадный всадник ринулся вперед.

Первый укол налево.

Пика перешла через голову коня. Прямо передо мной стоит столб в рост человека и на нем голова, величиной в арбуз, сшитая из тряпок. Нацелился юнкер. Только шевельнулся блестящий наконечник пики. Ни одного движения не сделал юнкер, пика сама врезалась в середину головы и мгновенно блестящее острие выскочило с противоположной стороны чучела.

Наклонилась пика, но не выпустил ее из руки казак. Плавно пошло острие вверх с насаженной на нем головой и в ту же минуту юнкер резко ударил башмаком пики назад в другую голову, стоящую в столбе с другой стороны дорожки. Далеко отлетела голова от удара обратным концом пики. Соскользнула по инерции, и первая голова с острия, а острие пики закинулось назад, плавно описало три четверти круга и опустилось вниз.

Тут только я заметил чучело человека в сидячем положении.

Поднял руку казак, быстро опустил ее и чучело, пораженное опять в голову, опрокинулось на спину и высоко взвились к верху длинные ноги.

Публика ахнула. Взрыв смеха приветствовал дрыгание ногами несчастного чучела, а пика казака уже перешла в другое чучело с левой стороны дорожки, но не выскочила из руки юнкера. Он изогнулся, выхватил пику из чучела, вновь взял на руку и ловко снял кольцо, висевшее на веревке.

Гром рукоплесканий потряс воздух. Точно в ответ на них пика высоко взлетела на воздух, оставаясь в горизонтальном положении во все время полета и опять упала в протянутую руку.

Отлично кололи и остальные юнкера. Ни одного промаха не сделали длинные пики. Страшное оружие! Можно уклониться от удара сабли, можно броситься на землю и откатиться от налетающего кавалериста, но от удара пикой не уйти никогда...

Но вот выехали сразу четыре смены ездоков по десяти человек в каждой.

Перед трибуной вышел лихой есаул, Васька Захаров, как его ласково называл весь Новочеркасск, с длиннейшим бичем в руках и начал командовать сменами.

Перед глазами замелькало, как настоящая карусель, только куда сложней той ярморочной карусели, которую мы привыкли видеть во время народных праздников.

Там движение идет все в одну сторону и то не успеваешь следить глазами за быстро несущимися мимо неживыми лошадьми, а здесь и совсем трудно было рассмотреть отдельных всадников. Сперва шагом, потом рысью, наконец, галопом, смены кружились, то по четырехугольнику обозначенного манежа, то по кругу и гуськом, и рядами, и навстречу, и по пересекающимся направлениям.

И ни одной ошибки, никто не сбился с аллюра, не напутал в фигурах, не сократил или увеличил дистанции, или интервала.

Прямо какая-то машинная точность. Публика не выдержала и начала апплодировать. И как бы в ответ на апплодисменты, — смены вытянулись в одну линию, быстро, справа по одному, прошли красивым, манежным галопом мимо зрителей, завернули... и всадник за всадником понеслись на особенное препятствие, называемое «корзинкой».

Конь прыгает в корзинку и тотчас же выпрыгивает из нее, беря таким образом раз за разом два барьера, причем для второго барьера даже нет никакого разбега. Ну, не дай Бог оступиться, сбиться с темпа и, конечно, или упадет, или заболтается в корзинке, и на него неминуемо сейчас же прыгнет второй, — прямо на спину и всаднику и коню.

Дистанции так малы, что невольно дух у зрителей захватило. Разговоры прекратились и слышно было лишь мягкое, ритмическое хлопание копыт по земле.

Слава Богу: все прошли благополучно. Но что это? Юнкера вдруг, быстро перешли в строй «справа рядами» и вновь понеслись на корзину. Дистанции между всадниками увеличились, но все же замирает сердце. И оба разом вскакивают в корзину.

Миг!.. головы лошадей подымаются, всадники наклоняются почти к шее лошади, прыжок... и вновь вне корзины, а в тот же момент другая пара вскакивает уже в корзину.

И вдруг несчастье... Все ясно видят, как лошадь споткнулась и упала в корзине, сосед упавшего выскочил...

«А... а... аа» — раздался продолжительный женский визг.

«Задавят! — пронеслось воплем по воздуху. А в то же мгновение следующая пара юнкеров красивым прыжком вправо и влево через углы корзины, обошла страшное препятствие, а из корзины показалась голова коня, шея, седло... но без всадника.

«Убился...» — опять пронесся по воздуху дружный, испуганный женский вопль.

И! о чудо! Конь выпрыгивает из корзины, а с боку него, уцепившись левой рукой за гриву, выпрыгивает юнкер.

Толчек... — ноги юнкера взлетают вверх, он садится в седло и как ни в чем не бывлао продолжает бешеную скачку.

Крики... апплодисменты... смех радости... все смешалось в рев восторга.

Я узнал юнкера. Это был бывший кадет, отделения В Ст. Кутырева, черный, как жук — Соловьев.

Скачка не прекращается; смены уже разделились на две равные части и понеслись с двух сторон, навстречу друг другу на ту же страшную корзину. Теперь всадники прыгали в нее одновременно с противоположных сторон.

Публика, затаив дыхание, выдержала и это зрелище, но когда смены пошли уже на перерез одна одругой, под прямым углом, то раздались крики дам: «Довольно!.. довольно!.. Зрелище действительно стало волнующим.

Только что юнкер одного ряда выскочит из корзины, как другой вскакивает в нее, несясь наперерез первой линии всадников.

«Довольно!..» — раздается опять женский многоголосный вопль.

«Ради Бгоа!.. до-во-ль-но!..»

Зрительницы отвернулись в сторону, закрылись зонтиками, веерами, руками. Есть такие, что и плачут... но смены уже соединились вновь и уносятся вдаль от трибун.

Легкий заезд, поворот на полном карьере и все сорок всадников, стройной развернутой линией, несутся бешенным карьером прямо на трибуны.

Опять раздались крики дам.

Теперь они все вскочили, как одна, со своих мест и форменным образом заголосили... Разве можно удержать лавину?! Она налетит сейчас на публику, подавит ее. Руки дам с ужа-

сом вытянулись навстречу лавине... Но в ту же секунду казаки осадили коней, остановившись, как раз на той дорожке, по которой шла рубка, всего шагах в десяти от зрителей.

Зрители встретили наездников своеобразно. Все вскочили.

Дамы — оттого, что испугались. Мужчины — чтобы успокоить дам.

Прекрасный пол, почти поголовно, не видел остановки. Их глаза были закрыты руками.

Наступившая тишина заставила женщин очнуться... и открыть глаза.

Прямо перед ними стояла шеренга молодцов наездников. Кони кажутся огромными, юнкера какими-то чародеями.

Нервы дам не выдерживают. Переход от страха к радости видеть всех юнкеров целыми и невредимыми обращается у зрительниц в форменный восторг.

Невозможно было не рукоплескать таким молодцам, а наши кадеты во всю глотку орали ура!

Долго еще тянулся конный праздник, не мало было еще разных номеров... и отчаянной джигитовки.

«Ну и юнкера!... — ну и училище!..» — говорили потом гости в поезде.

«Куда там цирковым наездникам до таких ловкачей!».

— Там! в цирке, сразу видно, что все их фокусы не трудны! То не езда, а просто вольтижировка, а вот извольте те же фокусы проделать в поле, да на полном карьере!», — рассуждал какой-то штатский.

— «Ах! верно!» — вторили ему дамы, — «мы видели в полках и вольтижировку, это совсем не трудно. А в цирке еще легче, . . . на седле особенном, большом, как карточный стол».

«А отчего не было вольтижировки?» — спрашивали девицы офицеров и юнкеров.

«Вольтижировки?!» — удивились юнкера: —«что же мы вам азбуку езды показывать на смотру будем что ли?

«Видели, как Миненков, стоя в седле, скакал полным карьером?»

«А отчего он не поскользнулся? За что ногами держался?» — вскричала хорошенькая гимназисточка.

— «Стыдитесь! а еще казачка... Неужели не знаете?»

«Они стремена перекидывают через седло!» — сказала другая девица, сконфузившейся станичнице.

«Ах, да! я и забыла!»

— «А как они держатся, когда пирамиду устраивают? — юнкера только посмеиваются.

«А больно вам, когда на всем скаку падаете?.. — как Миненков упал?» — слышались девичьи вопросы.

«Когда нарочно падаем, конечно, не расшибаемся», — отвечали смеясь юнкера: — «разве вы не заметили, что Миненков на все четыре лапы, как кошка упал.

«Да, что вы?».

«А как ловко его подхватил другой юнкер!» — кричала восторженная девица, с кудряшками на лбу.

«Подскочил, лошадь легла, юнкер схватил упавшего, положил поперек седла, поднял лошадь и опять помчался... ведь это просто чудо!..

— «Ах, и вовсе не такое чудо, как платок с земли поднимать!», — вскричала другая барышня.

— «Там лошадь ложится, все спокойно, а вот пусть-ка кто попробует на полном скаку платок поднять! — вот это ужас» — сердце замирает, когда всадник кидается навзничь головой вниз! — Как же он держится в седле?»

«Ах, Нюта! — ну как тебе не стыдно! — да ведь джигит держится левым носком за стремя!»

«Как?» — Нюта недоверчиво смотрит на подруг: — «да ведь стремя поднимается вверх!...»

Девицы весело смеются над Нютой. Какой стыд!.. Казачка и не знает, что стремена связаны скошевкой.

— «Ах, да!» — спохватывается Нюта, — «а все-таки страшно, и вдруг скошевка оборвется!..»

— «Ах! — как бы я хотела быть мужчиной!» — воскликнула одна из девиц: — вот это жизнь! это интересно! не то, что наша доля... Ничего нельзя! Сиди вечно дома, как кукла!..»

Пассажиры смеются.

«Каждому свое!» — говорит коренастый юнкер:

«Вам красота, — нам сила!»

«А, что лучше?» — задорно спросила казачка, пожелавшая быть казаком.

— «Ну, конечно, красота!» — не задумавшись ответил юнкер.

«Значит вы сами хотели бы быть хорошенькой девицей?» — поймали тотчас же проказницы юнкера на слове.

«Ни за что на свете!»

«Это почему же?» — обиделись сразу все девицы:

«Вы противоречите себе сейчас же. Ага! — попались! — значит и вы того же мнения, что жизнь женщины не такая интересная, как ваша!»

«Ничуть не бывало! Не противоречу!» — горячо стал возражать юнкер: — «если бы я стал вдруг барышней, то я потерял бы счастье ухаживать за красавицами и...»

«Молодец! — также хорошо владеет языком, как и шашкой» — похвалила его одна из дам.

«Да! — комплимент хоть куда! — Молодец!» — согласились с ней и другие.

«Да! — все это только комплименты!» — не сдавались барышни, хотя и покраснели от удовольствия.

«Нет! — это не комплименты, а сама жизнь!»

Перед красотой все преклоняются: и сила, и богатство, и ум!» — заявил юнкер.

«А армия зачем, как не защищать родную красоту?..

«Все для женщин!» — подхватили и другие мужчины: «и армия и войны и работа и все... все для них... для красавиц.

Все шутят, довольны. Мужчины крутят усы, дамы и девицы инстинктивно оправляют прически и туалеты.

Теперь они уже не хотят быть мужчинами.

Поезд подходил к Персияновке. Шумно выскакивают кадеты из поезда.

Крики наполняют воздух.

«До свиданья!»

Мелькают фуражки и платки, посылая приветствия. Долго не забудут казаки «конного праздника» своего родного казачьего военного училища и его начальника, строгого властного генерала Попова.

Полковник В. Н. БИРКИН .

БЕНЕФИС

Конечно, прошло уже почти шестьдесят лет, — многое частично забыто, но в общих чертах написанное правдоподобно и не выдумано.

В то время, в 1915/16 учебном году, я был в 4 классе, 3 отделении, Полтавского Корпуса. Многие воспитатели помоложе ушли из Корпуса, кто в запасные части, кто и на фронт. К нам прислали временных воспитателей, боевых офицеров — инвалидов 33-го Севского полка, стоявшего в Полтаве. В наш класс был назначен шт.-капитан Сухенко — инвалид без правой руки; с протезом вместо руки он очень хорошо справлялся и левой рукой писал. Во всяком случае ему как будто и не мешал этот недостаток.

Ну, кадетня как кадетня, особенно 4 класс — и не дети и не юноши, а Запорожская вольница. Это уже был второй год войны и все уже немного распустились и не было прежней подтянутости.

Нам не понравился новый шт.-капитан как воспитатель, — уж очень он был требовательный и, по нашим понятиям, большой салдафон, не подходящий для нашей среды.

Через некоторое время весь класс, 37-38 человек, решил устроить ему «бенефис». Вы, конечно, все знаете и помните что это значит? Однажды вечером, на занятиях от 6-ти до 8-ми, по знаку старшего кадета, мы начали хлопать крышками парт, производя страшный шум, помогая при этом еще и ногами. Каково же было наше удивление когда наш воспитатель сам сел на свободное место за партой и вместе с нами начал хлопать крышкой парты!

Конечно, после этого весь эфект бенефиса пропал. После перемены, в 7 часов вечера, старший отделения от имени всего класса принес извинения нашему воспитателю.

«Ничего, ничего, мои дорогие юноши, я также был молодым реалистом и тогда у нас также бывали нелады с преподавателями и классными наставниками. Молодежь часто делает ошибки и это нормально».

Конечно, никто не был наказан и шт.-капитан никому по начальству не доложил. После этого он стал нашим самым любимым и популярным воспитателем.

Когда наступила теплая весна 1916 года, наш воспитатель каждое воскресенье и праздник водил нас на военную прогулку и то с утра, — на целый день.

Мы побывали на Шведской Могиле, в летнем лагере Корпуса, в 7-ми верстах от Полтавы, в Монастырском лесу и саду, на реке Ворскле, и в других красивых местах, которые он как Полтавец хорошо знал.

Получая сухое довольствие из Корпусной кухни, наш воспитатель еще от себя снабжал нас бутербродами, пирожками, пирожными и другими сладостями. Был он холостяк, без семьи, жил при Корпусе и любил нас как своих детей.

Когда наступил 1917 год он ушел в запасную роту 33-го полка, распрощавшись с нами навсегда. Воспоминание об этом человеке навсегда осталось в наших сердцах, хотя прошло уже 58 лет!

Кадеты Полтавцы поступления 1912 года, выпуска 74-го, отзовитесь!

Андрей Педашев (Папашка)

391 St. Clarens Avenue
Toronto, Ontario
M6H - 3W2 Canada

78-ой Выпуск Полтавцев в Крымском Кадетском Корпусе в 1923 г.
** Сергей Миокович — Генерал Выпуска. * Андрей Педашев — Полковник.

ПОЛТАВА – ВЛАДИКАВКАЗ – КРЫМ

Как и многим другим многострадальным городам юга России, Полтаве пришлось пережить целый ряд захватов власти то махновцами, то Петлюрой, то «зелеными», причем каждый вносил свою долю произвола и разрушений. Во время занятия города махновцами, в последней четверти 1919 года, кадетский корпус был изгнан из своего здания и помещен за городом, в монастыре, между Киевским и Харьковским вокзалами. На наше счастье, подошедший вскоре бронепоезд Добровольческой Армии выручил нас, освободил город и мы снова смогли вернуться в свое родное гнездо, в здание нашего корпуса. Там мы нашли мерзость и запустение, после стоявших там некоторое время банд «махновцев», которые удирали в спешном порядке. В здании были брошены винтовки, патроны и даже много бездымного пороха в палочках, который мы увидели в первый раз в жизни. Все это мы впоследствии забрали с собой при эвакуации.

Полтава была сдана красным 10 декабря 1919 г., но эвакуация Петровского Полтавского корпуса произошла 19 октября, ночью. Кадеты, преподаватели и воспитатели с их семьями были погружены в товарные вагоны, причем удалось забрать с собой не только личные вещи, но некоторым чинам персонала даже кое что из мебели, которую кадеты помогали им грузить в вагоны в течение целого дня. Должность директора корпуса исполнял полк. Антонов; старый директор, ген. Клингенберг, был при большевиках сменен и арестован за то, что отказался принять в корпус сына одного комиссара-еврея, посоветовав жене его, пришедшей лично просить об этом директора, обратиться в Духовную Семинарию, ввиду того что в корпусе не было вакансий, и не было средств для дальнейшего существования.

Поезд с корпусом прибыл на станцию Лозовая и был поставлен на запасный путь, рядом со стоявшим уже там, прибывшим немного раньше, эшелоном с Харьковским Девичьим Институтом, тоже эвакуированным ввиду отступления Добров. Армии. Кадеты и институтки перезнакомились и оба эшелона пробыли рядом в течение нескольких дней. С дисциплиной считались мало и чувствовали себя уже свободными и самостоятельными. Большинство кадет имело оружие и несло охрану поезда, т. к. обстановка в тылу Добровольческой Армии была неспокойной.

В ноябре 1919 г. Полтавский корпус прибыл по железной дороге во Владикавказ, в составе 425 кадет с чинами персонала и их семьями. Корпус был размещен в нижнем этаже Владикавказского кад. корпуса, здание которого было меньше, чем в Полтаве, и было уже переполнено кадетами Владикавказцами. Полтавские кадеты продолжали нести охранную службу вокруг корпуса, ввиду того, что окрестности были неспокойны, происходили нападения ингушей и других туземных племен, кражи оружия и провианта. Регулярных занятий не было, многие кадеты группами по несколько человек стали покидать корпус и пробирались в армию, где их принимали охотно, несмотря на возраст и на приказы Главного Командования, требовавшего отчислять из частей армии молодежь с неоконченным средним образованием.

Постепенно и с большим трудом стали налаживаться занятия. Для Полтавских кадет классных помещений не было и занятия происходили отдельными группами в спальнях, на кроватях и стоя. И Полтавский, и Владикавказский корпуса, вместе взятые, насчитывали от 800 до 900 кадет, совершенно выбитых революцией и гражданской войной из рамок нормальной корпусной жизни, причем многие из них еще недавно находились в частях действующей армии. В этой среде, восстановление регулярных занятий и воспитательской работы требовало особых приемов и особого внимания со стороны корпусного персонала. Особенно же потому, что в этой обстановке жизнь преподавателей и воспитателей после занятий проходила в тесном общении с кадетами и в одном и том же помещении. Кадеты все время помогали своим офицерам и преподавателям, то грузить и перегружать их имущество, то устраивать их то в одном, то в другом углу общего помещения, пытаясь создавать подобие уюта в особенности семейным, большинство которых жило вместе с кадетами. Устраиваться на квартирах в городе было и трудно, и опасно, т. к. всегда была угроза быть внезапно отрезанными от корпуса, в случае неожиданных налетов туземцев. Кроме того, деньги все больше падали в цене и на них часто было невозможно купить продукты питания; приходилось продавать и выменивать вывезенные вещи и предметы обстановки, тем более что, как это показало будущее, их все равно пришлось бы бросить, покидая город.

Проходила зима и уже в марте месяце 1920 года начались снова сборы для эвакуации в Грузию, походным порядком по

Военно-Грузинской дороге. В этот поход выступили 4 марта оба кадетских корпуса, Полтавский и Владикавказский, в составе 800 человек, со всем персоналом и с их семьями. Переход совершался почти без вареной пищи; имелись лишь сухие продукты и чай, который удавалось сделать или днем, на привале, или только вечером. Переходы совершались по 25-30 километров в день, с таким рассчетом, чтобы в случае непогоды не ночевать под открытым небом, тем более что были и кадеты лишь в возрасте 9-ти и 10-ти лет. Их старались устраивать на подводы, которых было очень ограниченное количество и они служили главным образом для провианта.

Первый же переход омрачился очень неприятным эпизодом, т. к. во время ночлега убежал один ингуш с подводой, увезя большое количество провианта и угнав четырех лошадей. Это послужило уроком на будущее время и научило принимать меры охраны в ночное время. Но и дневные переходы требовали внимания и осторожности, т. к. мы часто подвергались обстрелу из аулов, видневшихся в горах, на другом берегу Терека; несколько кадет были ранены во время этих перестрелок.

Приходя на ночлег к вечеру, когда еще только начинало темнеть, мы устраивались на таких полустанках под навесом, прямо на цементном полу. Ложились вповалку, подложив под себя одеяло и закрывшись буркой, которые нам выдали перед эвакуацией во Владикавказе. Они оказались для нас очень практичными и совершенно необходимыми, т. к. защищали и от ветра, и от дождя, и были для нас настоящим спасением во все время перехода.

Мы добрались до Грузии после 7-ми дневного перехода, но еще долго не могли придти в себя, тем более что нас ждали новые испытания. Особенно было тяжело нашему начальству, на плечи которого лег непосильный труд по изысканию средств к нашему существованию. Мы были предоставлены самим себе; ни грузинские власти, ни кто-либо другой, нами совершенно не занимались и не оказали нам никакой помощи ни в чем. Нас поместили за проволоку в какой-то лагерь; питались остатками вывезенных нами запасов, добывали средства обменом русских денег и продажей предметов обмундирования и белья. Мы были совершенно отрезаны от Крыма, где сосредоточились остатки Русской Армии. Ко всем горестям прибавились болезни и смерти: в числе других, умер наш командир 3-й роты, полк. Быков, и ряд других кадет и офицеров.

Из Кутаиса, в Грузии, через Батум, по железной дороге, оба корпуса были в конце мая месяца перевезены в Крым на пароходе «Кизил-Арват». Во время этого перехода разразилась сильная эпидемия возвратного тифа, но несмотря на все лишения и бедствия, а может быть именно вследствие их, создалось прочное взаимное понимание между кадетами и персоналом. Это способствовало тому, что по прибытии в Крым, удалось быстро и успешно провести соединение обоих корпусв в одно военно-учебное заведение, получившее наименование Сводного Полтавско-Владикавказского кад. корпуса.

Пребывание корпуса в Крыму уже описано в книге «Кадетские Корпуса за Рубежом». В него стали прибывать многие кадеты, откомандированные из частей армии на основании известного приказа ген. Врангеля, в том числе и четверо кадет, которым удалось бежать из Грузии в Крым еще до того, как корпус был оттуда вывезен. Это были кадеты Николай Вовченко (георгиевский кавалер, имевший три степени георгиевской медали), Георгий Гапеев, Георгий Перекрестов и Григорий Хижняков, все четверо служившие в Севастополе, в Ординарческом эскадроне Штаба Главнокомандующего, под командой полк. Бестужева.

22 октября 1920 г., приказом ген. Врангеля, корпус получил наименование Крымского кад. корпуса и ему был присвоен алый погон с белой выпушкой и с двумя переплетенными буквами «К» желтого цвета. Буквы эти обозначали новое название корпуса, но для кадет они были воспоминанием о дорогом для всех имени Великого Князя Константина Константиновича.

Наши переживания в те дни отразились в стихотворении одного из кадет, написанном в Крыму:

"В тяжелые годы позора России
Наш корпус основан в Крыму,
Собрал он под стены свои корпусные
Кадетскую нашу семью.
"Все те, кто был верен Престолу, Царю,
В дни смуты, тревог и волнений,
Кто жизнь отдавал за Отчизну свою
В дыму Перекопских сражений.
"Составили корпус, где алый погон
Есть память о крови пролитой
Под сенью священных Российских знамен,
Во имя Отчизны забытой".

Не буду повторять описание эвакуации Крыма, трехдневного перехода через Черное море и прибытие в Константино-

поль, где нас перевели на большой пароход «Владимир», и где к нам присоединился Феодосийский интернат в количестве около ста человек, вошедших теперь в состав Крымского корпуса. Вместе с ними образовалась «армия молодежи», насчитывавшая до 600 кадет, почти поголовно болевших сыпным и возвратным тифом, т. к. не было никакой возможности следить за чистотой и гигиеной, и отделять больных от здоровых: все спали вповалку на полу, тесно прижавшись друг к другу, почти не раздеваясь.

При эвакуации из Крыма, одеяла, белье, шинели и вообще все содержимое цейхгауза было выдано нам на руки, ввиду невозможности везти все это отдельным грузом. По прибытии в Константинополь, наш пароход был отведен на рейд, в открытое море при входе в бухту, и поставлен в карантин, т. к. турецким властям стало известно о том, что у нас эпидемия тифа. Несмотря на это, наш пароход был все время окружен турками, подъезжавшими на лодках со всяческой едой и сладостями. Все это явилось громадным соблазном для изголодавшихся кадет и, т. к. денег ни у кого не было, то все, кто только мог держаться на ногах, отдавали в обмен на еду, что у нас было из лишней одежды и белья. Последние остатки этих запасов послужили «обменным материалом» также и по прибытии в Королевство Сербов, Хорватов и Словенцев; в связи с этим, кадеты сложили песенку, которую распевали на мотив «журавля», и где были слова: «Вся Словения одета на счет Крымского кадета . . . »

8-го декабря 1920 г. мы прибыли в Королевство С.Х.С., как тогда называлась Югославия, и высадились в бухте Бакар, откуда были перевезены в Словению, в лагерь Стрнище при Птуе, и размещены в ветхих, запущенных и холодных бараках, где во время войны австрийцы держали пленных солдат. В каждом бараке были посередине две железные печки, для которых мы сами рубили дрова в сосновом лесу, окружавшем бараки. Разместили нас очень скученно, по 60-90 человек в каждом бараке. О регулярных занятиях не могло быть и речи, т. к. приходилось заниматься в одном пустом бараке, в каждом углу которого был какой-нибудь один класс. Никаких перегородок не существовало и был слышен один сплошной гул, а в то же время в бараке стоял такой холод, что у всех коченели пальцы. Писать приходилось у себя на коленях, а по утрам, когда приходили в этот барак, то находили замерзшие чернила в чернильницах, т. к. ночью не было

отопления. Занимались стоя, или сидя на топчанах, не было ни учебников, ни тетрадей, ни классных досок, но даже и в этих условиях делалось все возможное, чтобы занятия продолжались. Первые месяцы пребывания на чужбине были полны лишений, но постепенно удалось их преодолеть и наладить нормальную жизнь и регулярные занятия.

По воспоминаниям Гр. Хижнякова,
выпуска 1923 г. Крым. кад. кор.

МЫ И СЛОВЕНЦЫ В СТРНИЩЕ

В начале декабря 1920 г. Крымский и Донской Кадетские Корпуса прибыли в лагерь Стрнище (Словения), который и стал для нас, кадет этих корпусов, первым пристанищем на чужой земле.

К нашему приезду в лагере уже находились свои югославянские беженцы из Словенского Приморья (Триест, Горица и др.), которое по Версальскому договору, совсем несправедливо, отошло к Италии.

Во главе всего лагеря, как русской, так и словенской его части, как представитель югославянской власти, был назначен комендант, называвшийся по-словенски «предстойник». Он заведовал хозяйственной частью лагеря, отвечал за порядок и спокойствие в нем, ему была подчинена лагерная полиция.

Оглядываясь теперь назад, видишь сколько неприятностей причинили окружающим (т. е. местному населению) мы, приехавшие откуда-то издалека в эту тихую, заброшенную часть бывшей Австро-Венгрии, продолжающую еще жить своей старой патриархальной жизнью. Грязные, голодные, полураздетые, грубые и распущенные, к тому же не особенно щепетильные в отношении частной собственности (главным образом что касается дров, огородов и садов), мы для тех, кто не знал, что нам пришлось пережить, были вероятно не очень привлекательны.

Предстойником нашего лагеря оказался словенец, чиновник старой австрийско-немецкой выучки, а потому педант, строго державшийся всех предписаний и распоряжений. В нашей кадетской среде он, понятно, особенной любовью и популярностью не пользовался.

Все жалобы на проживающих в лагере от хозяев огородов, садов, полей и окружающих лесов в первую очередь посту-

пали в его канцелярию. Оттуда они посылались нашему директору, а дальше ротным командирам, которые на утренних и вечерних поверках читали нам жалобы предстойника, часто написанные в резких и иногда даже оскорбительных, для нас кадет, тонах. Нашему «Деду» пришлось выслушать тогда много кислых слов от этого предстойника, платить штрафы и как-то улаживать неприятные инциденты.

Но прошло несколько месяцев, и картина постепенно начала меняться: начались занятия, дисциплина стала восстанавливаться, нас немножко приодели и привели в человеческий вид. Открылась корпусная церковь с очень неплохим хором. Организовался духовой оркестр под руководством Цибулевского, талантливого капельмейстера одного из гвардейских полков. Оркестр начал давать концерты в ближайших городах, пользовавшиеся неизменным успехом. Создалась своя драматическая труппа, среди нас оказались неплохие артисты-любители. Организовалась сильная кадетская футбольная команда и начались состязания с футбольными командами Словении. У нас завязались дружественные отношения с бывшим австрийским кадет. корпусом, находившимся в Мариборе. Этот корпус, или как его называли словенцы «кадетница», находился в процессе ликвидации: немцы уехали в Австрию, остались одни югославяне, причем только старшие классы. Они, не гнушаясь нашей бедностью, стали навещать нас, мы — их. Вообще отношение окружающего населения начало к нам меняться.

Между прочим все, что я пишу здесь, относится к Крымскому корпусу. Донской корпус, пробыв в Стрнище только один год, был переведен в Билече и о его пребывании в Стрнище, хотя он был нашим соседом, я мало знаю.

Через два года и мы — крымцы — покинули Стрнище. Уезжали мы оттуда уже не теми, какими приехали. Для нас крымцев Стрнище было своего рода маленьким «Галлиполи», где мы опять стали походить на настоящих кадет.

Наш предстойник покинул лагерь раньше нас.

Уезжая он послал в корпус письмо, написанное несколько высокопарно, но очень трогательно, выявившее его настоящее отношение к нам. Мне это письмо (правильнее перевод его с немецкого на русский *) попалось в архиве ген. Врангеля,

---

*) Языком общения нашего "Деда" с предстойником, т. к. он не знал словенского языка, был немецкий язык.

который находится в Хуверовской библиотеке в Станфорде, Калифорния. Письмо привожу в немного сокращенном виде:

«Дорогие братья и сестры!

Когда римский поэт Овидий должен был покинуть свой родной дом, он расплакался и, выходя уже за пределы города Рима, три раза возвращался, чтобы облобызать порог своего дома.

Прощание горестно и в момент, когда я должен вас покинуть, судорга от слез сжимает мне горло. Не самое Стрнище мне больно покидать, нет, это место я оставляю охотно, т. к. я давно стремлюсь вернуться к моей семье. Меня печалит другое, а именно что вы, мои дорогие, не можете одновременно со мною покинуть эти места и вернуться на вашу Родину.

Великая, славная Россия, колыбель, мать и спасительница всех славян! Ты встала в 1914 году, чтобы отвоевать нам, Твоим детям, на западе и на юге нашу свободу. Ты принесла в жертву миллионы своих сынов и ради нас на Твоих границах в течение трех лет лились ручьи русской крови. Увы, Ты лежишь теперь немощная и покрытая ранами. Но я верю в Твое воскресенье.

Я не могу каждому из вас пожать на прощанье руку, но я думаю о вас и молю Бога от всего сердца, да возвратит Он вас всех счастливо и скоро вашему Отечеству.

Меня радует ваше юношество, с которым я здесь познакомился. Запущенное, как в отношении тела, так и в отношении души, явилось оно сюда в Стрнище. И, наблюдая его, мне становилось грустно и страшно, что из него выйдет? В настоящее же время это юношество до такой степени изменилось, что я каждый раз изумляюсь, пораженный их видом. Я сам педагог и видел много успехов в области педагогики, но такого поразительного результата я еще никогда не видел. Простите меня за откровенность, но в начале я никогда бы не поверил в существование среди вас столь высоко-образованных и опытных педагогов, которые могли бы творить чудеса в этой благородной области. Снимаю шляпу перед такими педагогами, снимаю шляпу перед такой молодежью!

Мои поступки и мои слова при исполнении служебных обязанностей часто бывали суровы и строги, но в сердце скрывал я всегда любовь и расположение ко всем вам. Я

никогда не хотел обидеть никого из вас, и если, несмотря на это, я причинил кому-нибудь обиду, я прошу его всенародно простить меня, как у нас словенцев говорят «прежде чем зайдет солнце».

Да здравствует г. директор Крымского кад. корпуса, который так искусно ведет своих кадет через все опасности их тяжелой судьбы.

Этими словами я заканчиваю свой прощальный привет и говорю вам: Господь да будет с вами всеми!

Стрнище, 5 марта 1922 г. *Родослав Антонович Мерляк*
Предстойник лагеря в Стрнище,
бывший инспектор народных училищ
в Словении.

Мне пришлось в жизни, много позднее, столкнуться еще с одним словенцем, имевшим служебное отношение к корпусу во время его пребывания в Стрнище.

В 1945 году в Мюнхене был организован «УНРА» Университет, для молодежи всех национальностей, оказавшейся тогда в Германии. Ректором этого университета был назначен словенец Др. Пиркмаер, бывший перед войной подбаном Дравской бановины, а также профессором Люблянского университета. Во время войны он был арестован немцами и провел около двух лет в концлагере Дахау. Будучи антикоммунистом, возвращаться в Югославию он не собирался и стал Ди-Пи. В УНРА Университете я с ним и познакомился, когда представлялся ему как ассистент по кафедре геологии.

Узнав, что я окончил Крымский корпус и был с корпусом в Стрнище, он, до этого строго официальный и немногословный, очень оживился. Оказалось, что он был «срезским начельником» Птуйского Среза когда корпус был в Стрнище. А Стрнище ведь находилось в нескольких километрах от Птуя.

Др. Пиркмаер начал рассказывать, что он был как-то приглашен на концерт, устроенный корпусом в лагере и как он был поражен тем, что он увидел и тем, что кадетами-«артистами» было достигнуто в тех условиях, в которых жил тогда корпус. Он вспоминал нашего директора, которого считал исключительно образованным человеком и педагогом. Он вспоминал наш духовой оркестр и говорил, что он очень любил его слушать. Рассказывал, как все жители высыпали на ули-

цу, когда наш корпус проходил с оркестром по улицам Птуя, и т. д.

Наверное ему как «срезскому начельнику» часто приходилось слышать и много жалоб на Корпус, в особенности в первые месяцы его пребывания, там, но это как видно забылось, стало неактуальным и ушло в прошлое, хорошее же осталось.

Между прочим Др. Пиркмаер ректором пробыл очень недолго, т. к. Тито его включил в списки военных преступников и потребовал его выдачи. Правда, американцами он выдан не был, но был арестован и просидел у них под следствием тоже около двух лет в том же Дахау, что и у немцев.

Борис Павлов Кр.К.К.

БИЛЕЧА.

Часто, часто ночами снится
Серых гор и туманов встреча.
Черногории дикой граница:
Угол Богом забытый — Билеча.

Невеселое новоселье:
Козьи в горах тропинки,
Бьется в утесах ущелья
Пена холедной Требинки...

Зданий пустых массивы —
Прошлого мертвые тени..
Мечется ветер визгливо
В ржавых шипах заграждений.

А вдалеке — на камнях косогора
В тени минаретной вышки —
Кучкою белого сора
Двух улиц жмутся домишки.

В них — освященный веками
Пограничья суровый быт:
Неслучайно заборов камень
Следы от пуль хранит!

Зимою — дожди и туманы.
Летом — томящая сушь.
Ну-ж, уголок поганый:
Воистину — центроглушь!

М. Залесский. Д.К.

КОШКА АЛКОГОЛИК

Антон Павлович Чехов, как-то полу-шутя, полу-серьезно, обмолвился: «Заяц, если его долго бить, будет спички зажигать, а кошка — огурцы есть». Пиротехнические способности зайца могут вызывать сомнения. А вот склонность кошки к вегетарьянской диете была засвидетельствована документально. Конечно, подобную странность кошки можно считать патологическим исключением, но оно было. И при этом кошку никто даже пальцем не тронул. Просто у нее случился запойный период, когда привычные вкусовые ощущения перестают быть желанными

Случился этот трагический «кошачий запой» в первую половину двадцатых годов, в глухом углу Югославии: в бывшей австрийской крпеости — Билеча, где был размещен Донской Императора Александра III Кад. Корпус. Удаленная на 28 км. от железнодорожной станции, Билеча, с полным правом, заслуживала гордое наименование — ЦЕНТРОГЛУШЬ. Жизнь в ней кадет и педагогов корпуса была суровой и крайне скудной. Чтобы облегчить существование педагогического персонала и служащих корпуса, был создан кооператив, позволявший сводить концы с концами. Участниками кооператива были все служащие корпуса, получавшие «заборные книжки», расплата по которым производилась в день получения жалования.

Среди педагогического персонала выделялся своей глубоко штатской фигурой преподаватель математики Б-й. Лица близко его знавшие утверждали, что у Б-го была одна всепоглащающая страсть и две человеческих слабости. Страстью была одержимость математикой, в преподавание которой он вкладывал много знаний и педагогического опыта. А слабостями были: его супруга, ласково им называемая «куропаточкой» и до нельзя избалованная кошка — Мурка. Причем, злые языки утверждали, что Мурка была на первом месте. Помимо своей страсти Б-й был мягким человеком и обладал большим чувством юмора, пока дело не касалось математики. Тогда он становился беспощадным...

В учебном году, жизнь супругов Б-их шла размеренным темпом: математика преобладала и над «куропаточкой» и над Муркой. Иное дело было во время летних каникул. Занятия прекращались. А голые горы окружающие Билечу, могли успешно конкурировать с жарко протопленной русской печью. Тогда «слабости» Б-го требовали к себе большего внимания и умели его добиться. Одним из проявлений внимания было бы, по мнению «куропаточки» двухнедельное пребывание на берегу лазурного Адриатического Моря — «Ядрана». Напрасно Б-й, с цыфрами в руках, доказывал, что купание в «Ядране» нарушит его тощий буджет. «Куропаточка» умела быть настойчивой и... средства для оплаты морских купаний были найдены. Задержка была только с Муркой. Поручить заботу о ней черствым людям Б-й, конечно, не мог: только человек сильно любящий животных был бы достоин опекать Мурку. И такой человек был найден. Это был Александр П., проявив-

ший в разговоре с Б-им исключительную любовь к животным и поразительное понимание их психологии. Его любовной заботе и была поручена Мурка, питание которой должен был поставлять кооператив, чья «заборная книжка» была поручена П.

Вручив судьбу Мурки в надежные, любящие руки П, супруги Б-ие покинули Билечу и предались роскоши отдыха на берегах Адриатики. Ведь опекун Мурки очень любил животных! А нужно сказать, что Шура П. действительно любил животных. Только далеко не всех животных. В его казачьей душе царила всепобеждающая любовь к коням. Особенно к «доморощенным донским маштакам». Эта любовь была настолько сильной, что соперничать с нею кошке было явно не по силам, тем более, что Шура был убежденным сторонником возвращения «в лоно природы». В частности он полагал, что для кошки самостоятельное добывание пищи, не только вполне нормально, но и обеспечивает полное развитие всех ее способностей.

Соответственно с таким убеждением, Шура не обременял Мурку кормом, чтобы не повредить ее импульс к охоте на мышей и крыс, изобиловавших в пустых зданиях. Спартанский режим, введенный Шурой, пошел Мурке на пользу: жировые отложения были заменены стальными мышцами и движения приобрели грацию охотящейся пантеры. Правда, Мурка стала недоверчивой к людям, но излишняя доверчивость до добра не доводит! Дни мелькали неспешной чередой. Шура скрашивал свои летние досуги пирожными из кооператива. Подошел день Святого Благоверного Вел. Князя Александра Невского — Небесного Защитника Шуры. Шура сначала хотел избежать пышного празднования, но тут справедливо возмутились все его одноклассники. По их мнению: «Иметь заборную книжку и не отметить память «доброго страдальца за Землю Святорусскую» — было бы недопустимой скаредностью, недостойной кадета-донца. И если Шура хочет быть уважаемым членом выпуска, то ему следует проявить казачье радушие». Шура был добрый казак и... радушие было полностью проявлено.

Две недели купаний в Адриатике промелькнули для супругов Б-их, как чарующий сон. Вернувшись в Билечу, они нашли Мурку несколько похудевшей, но в завидном здравии. Только, когда они хотели ее приласкать, Мурка мастерски изобразила китайского дракона, зашипела змеей и вылетела, как ракета, в открытую форточку окна. Странность ее пове-

дения вызвала у Б-го тягостное предчувствие, что запись в заборной книжке будет крайне неожиданной. И это предчувствие его не обмануло. Из полученной от П. заборной книжки, Б-й узнал, что за две недели его отсутствия, для питания Мурки было куплено: семь коробок шпротов, 5 селедок, 26 пирожных, 30 малосольных огурцов и... два с половиной литра водки... Мурка заливала горечь разлуки с любимыми хозяевами!

Комментарии Б-го на неожиданность записи были следующими:

«Шпроты и селедки — рыбы. А рыбы — нормальное кошачье питание. Пирожные — тоже можно понять: Мурку потянуло на сладкое. Малосольные огурцы свидетельствуют о попытке перейти на вегетарьянский стол. Это — неплохо. А вот два с половиной литра водки, даже при наличии душевной депрессии, — слишком много. Этак и алкоголиком стать недолго!»

Спешу успокоить читателей: Мурка алкоголичкой не стала. Нежные заботы супругов Б-их исцелили ее пагубную страсть в самом зародыше.

Не имело неприятных последствий и хлебосольство Шуры. Б-й признал, что значительная часть вины лежит на нем. Т. к. он невольно ввел Шуру в соблазн. А известно: «Горе тому, кто соблазнит единого от малых сих...»

Единственным смягчающим вину Б-го обстоятельством было то, что посчитать Шуру маленьким было трудно: его рост превышал шесть футов.

М. Залесский. Д. К.

ЛАЗАРЕТ [1]).

Старая быль.

От начальников, вечно карающих
Совершенно безвинных кадет,
Всей душой моей, юно-пылающей
Я стремился спастись в лазарет,

Среди стен, белизною блистающих
И уюта, царящего там,
Изливался на души страдающих
Упоительно сладкий бальзам.

Там не слышится зычной команды,
Там «Встать»... «Смирно» никто не орет,
Там в обед вместо жидкой «баланды»
Санитар всем бульон принесет.

В атмосфере карболки и йода,
В терпком запахе разных лекарств
Процветали покой и свобода
В этом сказочном царстве из царств.

Там нет места взысканьям суровым
Там никто «на штрафу» не стоит,
Там больным и «ловчилам» здоровым
Никогда и ничто не грозит.

Не страшны там «колы» и журналы,
Перед ними пропал всякий страх,
И при громком гориста «сигнале»
Лишь улыбка змеится в устах.

Коль туда забредут офицеры
Кой кого из больных навестить,
Они там совершенно не «звери»
И имеют «сконфуженный» вид!

Они там пробираются, будто бы воры,
На кончиках пальцев, дабы не шуметь,
И кажется, будто бы ихние шпоры
Стараются тоже потише звенеть.

---

1) Посвящается Шурику Архангельскому.

И сам Адамович, пощады не знающий,
Терзающий души несчастных кадет,
Становится даже каким то «ласкающим»,
Как только откроет он дверь в лазарет.

Когда приближался к моей он постели
Я делал, как будто, попытку вставать,
Но он, улыбнувшись в усы еле-еле —
Движеньем руки «дозволял» мне лежать.

И вот он затянутый весь и при шашке
Стоит предо мной, как лист пред травой,
А я, растянувшись уютно в кроватке,
Едва отвечаю, как тяжко больной.

О, Боже, как сладки те были мгновенья
И наш разговор, он ни с чем не сравним!!!
И как по контрасту сильно ощущенье
Он СТОЯ — я ЛЕЖА — БЕСЕДУЮ С НИМ.

А что же касалось еды в лазарете,
То просто легенды носились, как дым,
Там будто бы ЧАСТО давали котлеты
А вечером сала сто граммов больным.

Конечно же в этих «прекрасных чертогах»
Никто, никогда ничего не зубрил,
Никто не боялся экзаменов строгих
И всяк о них думать совсем позабыл.

Никто здесь не нес ни дежурств, ни нарядов
Без них обходился «священный чертог»
Тут не было «фронта», «учений», парадов
Никто по утрам здесь не чистил сапог.

Все знали про эту обитель прекрасно
Про этот совсем «неземной уголок»,
Туда все стремились попасть, но напрасно
Лишь редкий удачник пролезть туда смог.

Сознаюсь я прямо — болели мы мало
И всякий болящий впускался всегда,
Но именно в том вся игра состояла
Чтоб без болезни проникнуть туда.

А это совсем уж не легкое дело,
Которое было не всем по плечу,
СОЗДАТЬ и ПРЕДСТАВИТЬ «симптомы» умело
Двум фельдшерам и «Далмату» врачу [2]).

Конечно же, врач и его ассистенты
Знали прекрасно все «трюки» ребят
И понимали, что их «пациенты»
Только «словчиться» от роты хотят.

Для «повышения температуры»
Все «покрасненья» гортани и рта,
Все ухищренья, все процедуры
Все раскрывались всегда без труда.

Здесь надобно было большое уменье,
В тончайших деталях «познать свою роль»
Звериная хитрость, кошачье терпенье,
Дабы обмануть «медицинский контроль».

Я лично считаю, что каждый ЗДОРОВЫЙ,
Кто хоть бы на сутки попал в лазарет,
Считаться достоин «арапом махровым»
И тонким «ловчилой» — сомненья в том нет!

Мне надо признаться, что с 1-го класса
Я страстно стремился попасть в лазарет,
Но все мои пробы кончались отказом
И так в продолжении всех восьми лет.

Судьба моя злая играла безбожно
Со мной, как играет с мышатами кот,
То будто бы в руки дает мне возможность,
То сразу, коварная, все отберет.

Примером одним, коих были десятки,
Я эту теорию Вам докажу,
Без многословия, будучи кратким,
Я в нескольких строчках ее расскажу.

Я «выжал» раз «стойку», но взявшись «коряво»
Руками за брусья, «сложиться» не смог
И вывихнув пальцев больших два сустава,
На землю свалился, как проса мешок.

---

2) Врач "Далмат" — милейший доктор Корпуса Алексей Сергеевич Далматов.

Лишь острою болью меня прокололо,
Еще не померкнул в глазах моих свет,
Еще не коснулся я задницей пола,
Но понял: «Попал в лазарет»...

В «приемный покой» притащили под руки.
Сейчас же явился сам доктор-Далмат,
Вправленья суставов я выдержал муки
И радостью тихой светился мой взгляд.

Мне «вправив суставы» сказал врач: «Готово»,
«Еще только теплую ванну для рук»,
«А дней через 10 ты будешь здоровым,
«Но в будущем будь осторожен, мой друг».

И вот разошлись все — один я остался,
Сижу рядом с тазом с горячей водой
Распухшими пальцами полюбовался,
А в голове все мелькают мечты.

«Вот доктор придет, позовет санитара»,
«Мне снимут одежду, наденут халат»,
«Дадут мне бульона и средство от жара»
«И с доброй улыбкой уложат в кровать».

Вот жданная мною минута настала,
В «покой» вошел доктор, — мне пальцы помял,
«Смотри уже опухоль чуточку спала»,
«ИДИ СЕБЕ В РОТУ — Ты, верно, устал».

«Для ванночек теплых ты в день 3 раза
«В СВОБОДНОЕ ВРЕМЯ сюда приходи».
«Ну, что же стоишь Ты? Не слышал приказа?
«За руки не бойся — спокойно иди».

«Мне в роту идти» — значит греза пропала,
Мечты мои рухнули — мутится ум...
И комната вся вкруг меня заплясала
И в голове завихрился самум.

Я был так ужасно подавлен всем этим,
Что даже ни слова в ответ не нашел,
С руками висящими, будто бы плети,
Кругом повернулся... и в роту побрел.

Так дымом развеялась эта надежда,
Блеснув предо мною манящим огнем,
Так много мечтаний развеялось прежде
Так много мечтаний разбилось потом

Судьба, будто бурей взмятенное море,
То кинет внезапно тебя в глубину,
То с ветром играя, резвясь на просторе
Все так же случайно взнесет на волну

А жизнь все текла монотонно и просто,
В 6-й уже класс перешел без хлопот
Как вдруг эпидемия ветренной оспы
У нас разразилась средь двух младших рот

По данным, почерпнутым из медицины,
Та оспа была «незаразной» для нас,
Но, именно, в этом узрел я причину
Испробовать счастье еще один раз.

«О долгом ловченьи» тут не было речи,
Решил «ради спорта» попасть на денек,
Нахлопавши сильно всю грудь и предплечья
Казенною щеткой для чистки сапог,

Покрылся я сыпью багровой, накожной
И с нею пошел «на прием» в лазарет.
Не зная симптомов бубнил осторожно
Врачу на вопросы одно: «Никак нет».

Наш врач очень опытный, знающий, старый
И много лет знавший прекрасно меня,
При полном отсутствии пульса и жара
Учуял сейчас же, что это плутня.

Но сыпь, моей щетки сапожной творенье
Зато алым маком роскошно цвела
И порождала в «Далмате» сомненья,
И в колебанья его привела.

Увидя все это — я сыпи «в подмогу»
Стал принимать очень страждущий вид,
Зачем то хромал я на правую ногу
И хрипло шептал, что «немного тошнит».

Тут доктор наш «сдался»: «Для карантина,
Ты, братец, на сутки пойдешь в лазарет»
На это я, сделавши грустную мину,
Нашел едва силы сказать: «Никак нет».

И, вот — очень гордый добытой победой
Я сразу облекся в больничный халат,
Позавтракал плотно и, съев 2 обеда,
Поспал хорошенько часа три подряд.

Под вечер напился горячего чая,
Свои сто грамм сала, как все получил
Спокойно пошел на прием к врачу я
И ясно, толково ему доложил:

Что больше не «тянет» меня уж на рвоту,
Что сыпь на всем теле почти что прошла,
Что я разрешенья прошу идти в роту,
Пока «на поверку» она не пошла.

— - о - —

И я ушел в роту довольный собою,
Считая, что кончен с Далматовым «матч»,
Но кто же способен поспорить с судьбою
Шалит она с нами, как будто мы мячь.

А дня через два я весь сыпью покрылся,
Меня тряс озноб и я понял тогда,
Что в прошлый визит в лазарет заразился
И снова побрел на «прием», господа!

И доктор Далматов, обычно безстрастный
Весьма волновался и даже кричал:
«Ну, как это вышло? Ведь Ты был заразный,
А я тебя в роту тогда отослал!!!».

В итоге — по случаю ветренной оспы
Меня отослали на срок в 6 недель
В военный заразный Сараевский Госпиталь,
Что мне заменило с лихвой мою цель.

И все мы закончим моралью такою:
Бог всю правду видит, но скажет не скоро
Поэтому — думай всегда головою
А кроме того — Ты с врачами не спорь!

1972 г. *Павел Гайдовский - ПОТАПОВИЧ.*

О ЧЕМ СЛЕДУЕТ ПОДУМАТЬ.

С первого момента поступления в I класс Кадетского Корпуса, малыш, еще не отдавая себе сознательного отчета о совершившемся, приобщался к азам суровой военной дисциплины, порядку и правилам царившим в стенах корпуса, к писанным и не писанным военным традициям, которые с этого дня будут сопровождать его до конца жизни.

Детской чуткостью воспринимал он, без всяких лукавых мудрствований, традиции военной старины и впитывал в себя основное начало кадетства — истинное товарищество.

Еще не уяснив себе начал «сугубых» наук, которые от ныне прийдется проходить ему длинный ряд лет до окончания корпуса, он уже знал:

«Сам погибай, а товарища выручай!»

«Один за всех, все за одного».

Пожалуй ни в одной категории Средне-учебных заведений России не было так глубоко и осмысленно развито чувство товарищества, как в Кадетских Корпусах.

Конечно, были и здесь исключения. И когда мы говорим о товариществе в кадетских рядах то должны признать, что бывали и тут исключения и что не малую роль в соблюдении и почитании товарищества играли и личные качества человека.

Но не об этом речь, ибо так можно удалиться от начатой темы и вызвать полемику с читателями совершенно в другой области.

Итак, кадетская масса в целом получала основы военного воспитания и понятие о долге перед Родиной с первых классов Кадетских Корпусов

В то же время нельзя не подчеркнуть, что многие из новичков поступивших в Корпус, происходили из военных семей и еще до поступления в Корпус уже имели военную закваску, что облегчало первые дни пребывания в учебном заведении. У других малышей (из гражданских семей) первые дни в Кадетских Корпусах проходили особенно тяжело вдали от своих родителей.

По истечении же самого короткого периода пребывания в своем новом гнезде эти малыши полностью осваивались с новой средой и понятиями, которые еще недавно были им совершенно чужды. А ко второму классу врядли можно было различить кто из какой семьи происходит.

Все они уже были настоящими кадетами и в своих маленьких сознаниях жили исключительно КАДЕТСТВОМ, понимая, что его на улице не найдешь и ни за какие деньги не купишь. Ведь кадетом может себя считать только тот кто им был. Даже тогда, когда по каким либо независящим от него причинам он не заканчивал образования в Корпусе, что особенно часто бывало с кадетами Зарубежных Корпусов.

Пусть период пребывания в Корпусе не превышал одного года, но и тогда малыш оторванный от семейного очага и попавший в суровые стены Кадетского Корпуса задерживал в своем подсознании на всю жизнь, что он был КАДЕТОМ. В большинстве случаев было довольно самого короткого времени, чтобы он воспринял и впитал в себя дух КАДЕТСТВА.

Другой, которому не пришлось перешагнуть стены кадетского монастыря, даже в том случае если его отец и дед были кадетами, КАДЕТОМ быть не может.

Отсюда появляется перед нами грустная перспектива:

Для нашего будущего у нас нет НАШЕГО молодняка, а с уходом из жизни наших последних «могикан» 32-го Зарубежного выпуска заканчивается история русского кадетства.

Возражение, что это не так и, что на родине существуют достойные продолжатели былого кадетства — Суворовские Школы, серьезно принять нельзя.

Форма, напоминающая старую кадетскую, еще ничего не доказывает, как не доказывает подтянутость и дисциплина Суворовцев.

Ясно одно, что государство, основы которого зиждятся на ДОНОСАХ и БЕЗЗАКОНИИ, не может из подростающих поколений выковать людей с настоящими понятиями о ТОВАРИЩЕСТВЕ. А без этого нет и КАДЕТСТВА.

Не будем говорить о том, что всем нам обидно за нашего легендарного полководца Суворова, что его именем названы эти военно-учебные заведения в которых отсутствуют самые лучшие традиции нашей военной старины.

И так становится ясным, что КАДЕТСКОЙ смены у нас нет и она не предвидится.

Вот тут то и появляется вопрос, что же нам можно и необходимо сделать для того чтобы сохранить живую память о Кадетстве.

Может быть нам бы следовало пересмотреть и переоценить наши взгляды в настоящем для блага будущего?

Всем нам известно, что в Зарубежье работают и развиваются три молодежных национальных организации:

РАЗВЕДЧИКИ, ВИТЯЗИ и СОКОЛА.

Пожалуй все три можно поставить в ряд со знаком равенства.

Воспитывающейся в них русской молодежи совсем не чужды понятия КАДЕТСТВА. И если этой молодежи не удел стать кадетами, то все же кадетство ей близко, ибо в этих организациях много заимствовано из русской военной старины и поддерживается дух истинного товарищества.

Всем нам известно, что нет ничего постоянного. Все проходит, все в жизни прогрессирует. Правда, иногда некоторые «прогрессы» связаны с довольно большим риском и не всегда оканчиваются удачно. Но это уже другая тема о которой в этой статье не будем говорить.

Как бы нам не было тяжело сознавать, что с нами заканчивается одна из блестящих страниц истории кадетских корпусов, мы не должны забывать, что так же тяжело и каждому кавалеристу при сознании, что геройская эпопея кавалерии перевернула свою последнюю страницу с окончанием второй мировой войны. И так во всем, что уже отжило свое — будь то парусники, или еще недавние поезда и т. п.

Факт остается фактом: Старое уходит. На смену появляется новое.

И это новое, поскольку оно не противоречит понятию о КАДЕТСТВЕ надо нам воспринять. Может быть от этого нового надо отшелушить и отсеять налипшее на него постороннее и сделать приемлемым и для нас самих и для подрастающих зарубежных поколений. С их помощью донести, хотя бы крупинки того светлого и возвышенного, крепко засевшего в нас, ТОВАРИЩЕСТВА.

А это еще как будто нужно для освободившейся от безбожной власти, исстрадавшейся и израненой России.

Тужить или впадать в пессимизм нам нечего и НЕДОПУСТИМО.

До сегодняшнего дня большинство из нас честно и по мере возможностей исполняли свой долг, не забывая о ТОВАРИЩЕСТВЕ.

Я уверен, что во всех трех названных мною молодежных организациях также ведется усиленная работа в этом направлении со стороны их руководителей. И должен подчеркнуть,

что на многих ответственных местах этих организаций стоят наши бывшие кадеты. Из-за перегруженности работой некоторые из них немного отдалились от нашей кадетской семьи, но это еще не доказывает, что Кадетство им не дорого или, что они перестали быть кадетами.

Вот установив связь с ними и через них мы могли бы более активно и сами участвовать в жизни молодых зарубежных поколений и своей моральной и материальной поддержкой помогать общему делу воспитания русской национальной молодежи.

Алексей Мальчевский.

Примечание ав ора: Ввиду того, что статья носит полемический характер было бы желательно услышать мнения других однокашников, как и руководителей молодежных организаций.

КАДЕТЫ ТОРОНТО (КАНАДА).

В протекшем 1973 году Обще Кадетское Объединение в г. Торонто отпраздновало 20-ти летие своего существования, ознаменовав этот юбилей освящением кадетского киота, как гласит надпись под иконами «В благодарность тем, кто дал нам возможность в Югославии быть кадетами.»

Наши однокашники откликнулись на наше приглашение и гости из Нью-Йорка, Чикаго, Монреаля, Лондона и других мест увеличили своим присутствием празднование нашего юбилея. Эта встреча вылилась в дружную кадетскую манифестацию благодарности королевству Югославии за поистине братское отношение к русским до второй мировой войны. Сербы при встречах благодарят кадет за особое внимание оказанное им, этим скромным, но большим по своему значению торжеством и часто можно наблюдать пришедших сербов в храм св. Троицы возжигающих свечи у кадетского киота.

Для нас кадет г. Торонто было радостно встретить и провести эти три дня в кадетской среде, почувствовать снова ту силу, которая нас объединяет, ту кадетскую спайку, ставшую путеводительницей в нашей жизни. Сколько можно было наблюдать трогательных встреч давно не видевшихся однокашников. Как хороший сон пролетели эти короткие дни, а как много они оставили радости в нашей повседневной жизни? Как горестно было расставаться, после таких веселых, полных радости, дней, оставивших неизгладимое впечатление на всех участников.

Заканчивая празднование своего юбилейного года, ОКО отметило его своим юбилейным благотворительным балом 16-го ноября. Этот бал послужил продолжением идеи «Благодарность Югославии», сербы посетили его в большом количестве (из Торонто, Ниагары и Хамилтона). Выступление на балу национальной сербской фольклорной группы «Хайдук Велько», занимающей первое место в соревновании всех сербских танцевальных групп Америки и Канады со множеством наград и призов; явилось сюрпризом для посетивших бал. По истине группа показала себя на большой высоте разнообразием фигур в исполнении танца «коло» и несмолкаемое бис и «йош» долго не отпускало танцоров. Красочность национальных костюмов шестнадцати девушек и парней очаровало всех. Мы кадеты Торонто очень благодарны сербской танцевальной группе «Хайдук Велько» за бескорыстное выступление в программе. Бал дал нам возможность увеличить наши средства на помощь впавшим в беду однокашникам, больше чем в предыдущие годы.

Королевой бала была выбрана мадемуазель Ирина Косарева, получившая художественно вышитую малиновую ленту с вензелем Великого Князя Константина Константиновича, шефа последнего зарубежного кадетского корпуса. Хочется верить, что все наши кадетские начинания не пропадают даром и новое поколение понимает на примере кадет, как нужно почитать прошлое чтить настоящее, а мы кадеты останемся такими какими воспитали нас наши кадетские корпуса. До скорого свидания на нашем 4-м кадетском съезде в Сан-Франциско.

Торонтовец.

ОТДЕЛ РОЗЫСКОВ

Разыскиваются следующие кадеты I Русского Вел. Кн. Константина Константиновича Кад. Корпуса, 5-го выпуска:

1) Белобородов Сергей
2) Булавко Иван
3) Подрузский Ростислав
4) Пугачев Николай, 21 выпуска.

Лиц, знающих о их судьбе или настоящем месте жительства, просят сообщить Редактору журнала по адресу:

PAUL OLFERIEV
4187 FRAME PLACE
FLUSHING, N. Y. 11355. U.S.A.

ОБЪЕДИНЕНИЕ КАДЕТ КНЯЖЕ - КОНСТАНТИНОВЦЕВ В СЕВ. КАЛИФОРНИИ.

14 Января 1974

Следующие перемены произошли в нашем Объединении в Декабре 1973 года:

2-го Декабря, в день встречи Корпусного Праздника, на общем годовом собрании, председатель нашего Объединения Александр Александрович Стацевич (который занимал эту должность в течение 10-ти последних лет), по мотивам личного характера отказался от нее.

Согласно Уставу Объединения должность председателя занял один из следующих, по старшинству выпусков, давший свое согласие на основании единогласного пожелания присутствующих, а именно Алексей Павлович Мальчевский (IX вып.).

Общее собрание утвердило и приветствовало нового председателя.

Секретарем Объединения и дальше был единогласно утвержден Алексей Истомин (XXI вып.).

В конце собрания приняли на себя устройство встречи на Корпусной Праздник 1974 года Алексей Истомин (XXI вып.) и Николай Грицай (XXXI вып.)

Председатель Объединения.

ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ ЛЕТ ОБЪЕДИНЕНИЯ В ВЕНЕСУЭЛЕ.

15 декабря 1973 г. венесуэльское объединение бывших кадет Русских Корпусов в Югославии скромно, но дружно отпраздновало свое двадцатипятилетие.

Основанное в первом году по прибытии послевоенной эмиграции в гостеприимную и солнечную Венесуэлу, о которой преподаватели географии в корпусах почти не упоминали, Объединение собрало в тесную кадетскую среду почти всех Константиновцев, Донцов и Крымцев, заброшенных сюда судьбою.

В течение четверти века Объединение переживало и дни радости и дни печали, но, оглянувшись на прошлое, нужно признать что последних было неизмеримо меньше и что периоды упадка были редкими и короткими. Честно выполняя приня-

тые на себя обязательства посильной помощи братьям кадетам, членам персонала корпусов и их семьям, Венесуэльское Объединение сохранило дух крепкой дружбы, товарищества, любви и уважения к своим родным гнездам, которых нет, но чья память будет жить в душах настоящих кадет до последнего вздоха.

Празднование юбилея было приурочено ко дню Св. Великомученика и Победоносца Георгия, покровителя Объединения. 13 декабря прибыли первые гости из Нью-Йорка, председатель III съезда Н. В. Козякин с супругой. На следующий день венесуэльцы встречали вторую супружескую пару — Корсаковых, а в самый день праздника, — председателя Нью-Йоркского Объединения Г. Н. Сперанского.

За день до празднования юбилея, почти все члены Объединения были приглашены на «кадетскую» свадьбу, Н. А. и Ю. Л. Ольховские выдавали замуж свою дочь Леночку за молодого доктора Сережу, сына Т. А. и Б. Е. Плотниковых. В церкви, а потом на радушном приеме в доме Ольховских, все поздравляли молодых и их родителей, а председатель объединения И. В. Гняздовский вручил традиционный подарок, серебряное блюдо, заменившее обычный кубок, т. к. оба новобрачных — дети кадет.

В день праздника, перед началом молебна в церкви, Г. Н. Сперанский, Н. В. Козякин и А. С. Корсаков вручили председателю особенно ценный подарок нью-йоркцев, прекрасно написанный образ Св. Георгия в большом резном киоте в форме кадетской эмблемы, сияния вокруг герба на бляхе. Передавая образ, Г. Н. Сперанский поздравил объединение с праздником и юбилеем и сказал, что этой иконой кадеты Нью-Йорка благословляют своих венесуэльских товарищей на грядущие годы дружной и сплоченной жизни и работы.

На молебне, настоятель церкви о. Иоанн Бауманис, сам себя именующий приписным кадетом, молился о здравии всех учивших и учившихся в Корпусах, а на литии о упокоении Державных основателей и шефов Корпусов, родоначальников, почивших Королей, покровителей корпусов, генерала Врангеля, директоров, воспитателей, преподавателей и кадет.

Кадетский хор под управлением В. П. Акирова, пел особенно проникновенно.

Празднование состоялось в сербском клубе, красиво украшенном под руководством хозяина вечера А. М. Слезкина. Ста-

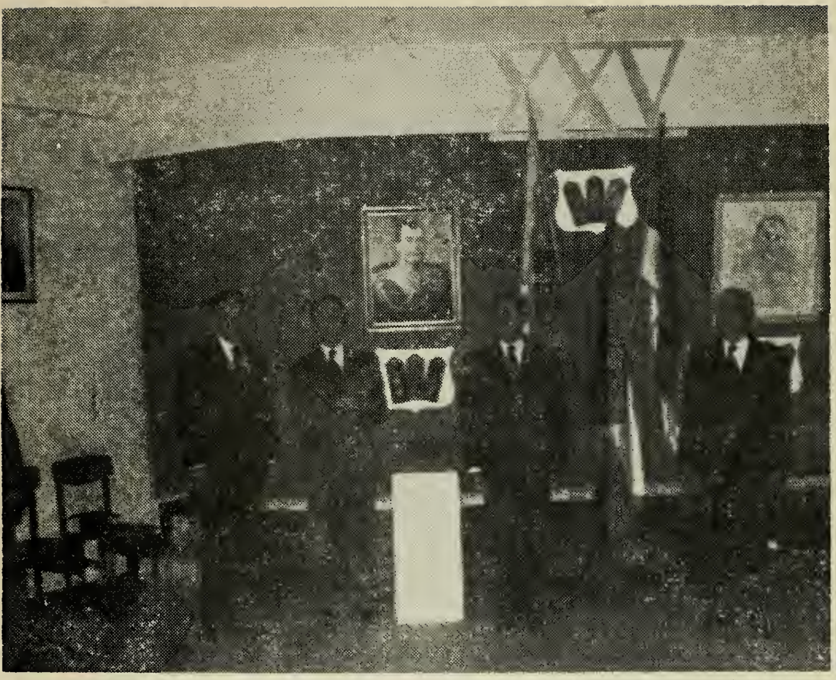
Дар Нью-Йоркского Объединения

раниями дам М. Н. Слезкиной и К. П. Савицкой столы были украшены цветами среди которых особое внимание привлекали синие гвоздики, «рассудку вопреки, на перекор стихиям».

Это особое внимание, проявленное к донцам, благодарно отметил в своем тосте за ужином старейший по поступлению в Донской Корпус — П. И. Казнаков.

Перед ужином состоялось маленькое торжество. На занавесе, закрывающем сцену находились портреты Государя и Короля Александра, а между ними погоны трех корпусов. Впереди был установлен русский флаг, специально сооруженный к этому дню, а справа от флага стояли дамы и гости, слева кадеты и среди них, старейший из присутствовавших, Я. А. Амилахвари (Владикавказского Корпуса), О. Иоанн Бауманис и В. И. Акиров.

Председатель Объединения И. В. Гнездовский приветствовал гостей из Нью-Йорка, приглашенных и членов Объединения и поздравил последних с праздником и юбилеем. Упомя-

У флага Объединения (слева-направо) Г. Сперанский, И. Казнаков, А. Слезкин и Ю. Щербович-Вечор.

нув о благодарной памяти хранимой Объединением о Державных основателях, шефах и покровителях корпусов и о всех ушедших в иной мир педагогах и кадетах, он призвал присутствующих пропеть «Песнь Дворянского полка». Затем председатель указал что, флаг сооруженный ко дню юбилея является символом объединения и будет храниться в доме очередного председателя. Чтобы подчеркнуть принадлежность флага Объединению, на него будут закреплены ленты цветов трех корпусов с вышитыми на них эмблемами. Первым закрепил ленту старейший Крымец Ю. В. Щербович-Вечор, затем Донец И. И. Казнаков и Княже-Константиновец А. М. Слезкин.

После этой церемонии были выслушаны письменные приветствия полученные ко дню юбилея и праздника, а также устные выступления председательницы Дамского Комитета при нашей церкви А. М. Егоровой и руководителя Церковно-приходской школы А. В. Яковлева, благодаривших Объединение за постоянную помощь в работе этих организаций.

Н. В. Козякин поздравил Объединение от лица Президиума III Съезда зарубежных Кадет и призвал присутствующих в

воможно большем числе принять участие в четвертом Съезде в Сан Франциско. Г. Н. Сперанский вновь поздравил от лица возглавляемого им Объединения и в своей речи отметил пессимистический тон слов, сказанных И. В. Гняздовским о том, что все мы стареем и что будущее нашей организации ограничено, Г. Н. Сперанский не разделяет этого взгляда и уже сейчас обещает вновь прибыть в Венесуэлу на празднование 50-ти летнего юбилея. Последним вновь говорил Н. В. Козякин, на этот раз в неожиданной роли Донской институтки. Он прочел поздравление присланное председательницей Объединения бывших воспитанниц Донского Мариинского института — Н. С. Миклашевской и закончил его исключительно талантливым, теплым и дружеским стихотворением написанным к этому дню поэтессой Н. Белавиной.

На этом официальная часть закончилась и по приглашению А. М. Слезкина все заняли места за столами, где праздничный ужин перешел в традиционное кадетское застолье.

Были тосты за председателя, дам, гостей. Особо следует отметить здравицу провозглашенную Д. Брылкиным, всем бывшим председателям и среди них В. Г. Рогойскому, как блестяще организовавшему II съезд в Каракасе и поднявшему доброе имя Объединения на завидную высоту. Были песни, были танцы, вечер затянулся далеко за полночь. Нью-йоркские гости еще неделю радовали друзей своим пребыванием в Венесуэле, отдыхая от декабрьских холодов, купаясь в теплых водах Караибского моря. *В. Бодиско.*

ЮБИЛЕЙНЫЙ ГОД В НЬЮ-ЙОРКЕ

В 1974 г. исполняется 25 лет со дня основания Объединения Кадет Российских Зарубежных Кадетских Корпусов. 25-ое Годовое Общее Собрание состоялось 31 марта. Перед Собранием была отслужена панихида по всем скончавшимся за 25 лет членам Объединения в Синодальном Соборе Знамения Божией Матери. Служил митр. протоиерей о. Борис Крицкий (Зв. Р.К.) с диаконом о. Николаем Кадьяном (10 в. Р.К.). Пел хор кадет под управлением Г. Кованько (21 в. Р.К.) К аналою были вынесены знамена Полоцкого и Сумского Кад. Корпусов. На Годовом Собрании решено годовой бал устроить 29 ноября, а юбилейный банкет приурочить к празднованию Корпусных Праздников в декабре. Обсуждался вопрос поездки на Четвертый Съезд. Председателем перевыбран Г. Сперанский.

КАДЕТСКОМУ ОБЪЕДИНЕНИЮ В ВЕНЕСУЭЛЕ

Ко дню 25-тилетнего юбилея, в декабре 1973 г.

Четверть века! Этот промежуток
Времени — достоин уваженья!
Потому от бывших институток
Вот вам, юбиляры, поздравленье.
Пусть швыряли бури нас и вьюги,
Пусть мы все разбросаны по свету,
Но Белоцерковские подруги
Не забудут вас, друзья-кадеты.
И в воспоминаниях лелея
Юности надежды и мечтанья,
Шлем вам в светлый праздник юбилея
Искренние наши пожеланья.
Пусть подольше жизнь не хмурит брови,
Пусть небес не закрывают тучи,
Всем вам и удачи и здоровья,
И во всем всегда благополучья.
Пусть в работе не слабеют руки,
Пусть в страданьях не слабеют души,
Света нашей дружбы не потушат.
Пусть не только дети, но и внуки
Дружбы, что нужна Объединенью,
Что хранится бережно и чутко!..
От души мы шлем вам поздравленье!
Бывшие Донские институтки.

Нонна Белавина.

КОМИССИЯ
ПО СОЗЫВУ 4-го СЪЕЗДА КАДЕТ
РОССИЙСКИХ ЗАРУБЕЖНЫХ КАДЕТСКИХ КОРПУСОВ

«МЫ РАССЕЯНЫ, НО НЕ РАСТОРГНУТЫ» — это то, что дало нам, Кадетам, возможность провести с успехом три Съезда Кадет Российских Зарубежных Кадетских Корпусов.

Идея созыва Съездов принадлежит Обще-Кадетскому Объединению в Монреале (Канада), где и состоялся Первый Съезд Кадет Российских Зарубежных Кадетских Корпусов в 1967-ом году, а в 1970-ом году в городе Каракасе (Венесуэле) был проведен Второй Съезд. Третий Съезд был созван в городе Лейквуде (США) в 1972 году. С 3-го по 11-ое августа 1974 года состоится Четвертый Съезд в Сан Франциско, Калифорния (США).

Съезды Кадет Российских Зарубежных Кадетских Корпусов преследуют цели не только радостных встречь с однокашниками, с которыми не виделись десятилетиями, и вновь переживать и воскрешать в памяти счастливые годы, проведенные в кадетских корпусах, но и восстанавливать, развивать и укреплять связь между Кадетскими Объединениями в различных городах и странах; привлекать в их ряды не состоящих в них однокашников; организовывать новые Кадетские Объединения. Съезды помогают координировать помощь нуждающимся, поддерживать морально и материально русские школы и организации молодежи и сохранять русскость в семьях. Съезды содействуют сохранению памяти о ДВАДЦАТИПЯТИЛЕТНЕМ существовании Российских Кадетских Корпусов за Рубежом.

Для облегчения осуществления всех стремлений и достижения преследуемых Съездами целей, ЧЕТВЕРТЫЙ СЪЕЗД будет проходить под лозунгом: «Объединения всех Кадет с неуклонным желанием передачи НАШЕЙ СМЕНЕ того, что было вложено в наши детские и юношеские души Кадетскими Корпусами и что сохранили мы в течение нашей жизни, полной необычайных переживаний и потрясений, это: «ВЕРУ, ЛЮБОВЬ К РОДИНЕ СВОЕЙ И СВОИХ ОТЦОВ И ГОРДОСТЬ БЫТЬ РУССКИМИ».

Устроители ЧЕТВЕРТОГО СЪЕЗДА приглашают всех Кадет и их семьи, посетить СЪЕЗД и своим присутствием спо-

собствовать успеху в достижении целей и еще раз подтвердить силу нашей КАДЕТСКОЙ СПАЙКИ.

С своей стороны устроители приложат все усилия, чтобы ЧЕТВЕРТЫЙ СЪЕЗД прошел в атмосфере кадетской дружбы, единения и оставил бы самые лучшие воспоминания о проведенных днях в общей кадетской семье, среди своих друзей и однокашников.

ПРОГРАММА СЪЕЗДА

3-го августа, суббота.

Прибытие гостей. Встреча и размещение их по квартирам на одну ночь. (Для желающих может быть снят номер в гостиннице за их счет).

4-го августа, воскресенье.

Молебен в Кафедральном Соборе Архиерейским служением перед Знаменем Симбирского Кадетского Корпуса. Завтрак. Открытие Съезда. Банкет для участников СЪЕЗДА и гостей.

5-го августа, понедельник.

Проверка мандатов. Общее Собрание участников СЪЕЗДА. Выборы Комиссий. Доклады и приветствия. Работа Комиссий.

6-го августа, вторник.

Работа Комисий.

7-го августа, среда.

Выработка резолюций. Вечером концерт.

8-го августа, четверг.

Пикник. Поездка к историческому месту на берегу океана — «Русскому Форту». Возвращение на Русскую речку: пляж, завтрак и обед.

9-го августа, пятница.

Заключительное Собрание СЪЕЗДА: принятие резолюций. Пожелания на будущее. Закрытие СЪЕЗДА.

10-го августа, суббота.

Бал Кадет ЧЕТВЕРТОГО СЪЕЗДА. Ужин.

11-го августа, воскресенье.

Окончание СЪЕЗДА.

По вопросам, касающимся СЪЕЗДА, обращаться в Секретариат Комиссии по созыву ЧЕТВЕРТОГО СЪЕЗДА Кадет Российских Зарубежных Кадетских Корпусов по адресу:

Mr. G. K. Telatnikov 285 — 12-th Avenue. Soa Francisco, California, 94118 U.S.A.

или по телефонам: Area code 415 386-4503 В. С. Данилов, 752-4106 Г. К. Телятников, 566-2302 А. В. Шамбо.

СОБЫТИЕ В ЛЕЙКВУДЕ*).

«Гей прохожий, дай дорогу!» и, право, друзья, посторонитесь, или, лучше, — примкните к строю!

У кадет дорога прямая, испокон веков предначертанная и сойти с нее немыслимо. Шли этой дорогой прадеды, деды, отцы, сыновья, а теперь и внуки шагают, не огибая препятствий. За последние 50 с лишком лет много преград легло на их пути: две войны с революцией и, наконец, переселение с новых пепелищ в самые отдаленные уголки мира. Все это нужно было пройти той же прямой дорогой. Однако, преданность России, почитание традиций, кадетская спайка и крепкое бескорыстное товарищество преодолели все преграды. Осев на новых местах, возвратилось чувство локтя соседа, сызнова послышались девизы императорских корпусов и ожила кадетская семья. Верно скоро можно будет снова услышать: — «Мы бывалые кадеты, походили по морям»... и что море все еще кадету по колено. Может быть не с точки зрения молодецкой удали юных лет, а в силу всего пережитого и предстоящей задачи сохранения русского лица, рассеянной по всему миру русской национальной эмиграции.

Именно эти условия способствовали возможности собрать в Лейквуде под Нью-Йорком (США) на 3-й съезд Объединения Русских Зарубежных Корпусов 150 кадет с 82 женами и 53 детьми обоего пола.

Особую торжественность съезду, как и предыдущим двум, придало присутствие Е. В. Княжны Веры Константиновны, дочери вел. кн. Константина Константиновича генерал-инспектора военных учебных заведений и шефа последнего кадетского корпуса — Русского Корпуса. Присутствие ее не только символически, а и реально соединило насильно разорванную всевозможными обстоятельстствами цепь, связывающую питомцев зарубежных корпусов с корпусами императорской России.

На съезде присутствовали почетные гости — иерархи Русской Зарубежной Церкви, они же — кадеты зарубежных корпусов, а также представители старых императорских корпусов. Представительницы женских институтов тоже почтили кадет своим присутствием в знак старой дружбы, завязавшейся со времен пребывания их учебных заведений в Югославии.

---

*) Перепечатано из газеты "Единение", №26 от 29 июня 1973 года, издаваемой в Австралии.

На съезд съехались также и друзья кадет — приблизительно в таком же количестве как и самих кадет с их семьями.

В конечном итоге в Лейквуде собралось свыше 500 человек.

Явление — требующее особого внимания.

В наших условиях подобное скопление членов одной организации на деловой съезд превосходит все мечты об единодушии и взаимопонимании группы соотечественников. Причем необходимо подчеркнуть, что 35 кадет прибыло из других стран, даже из таких отдаленных как Чили, Аргентина и Швеция. Одна только Австралия оказалась дальше всех и по причине расстояния и времени, а также и условий жизни, никому из здешних кадет не удалось побывать на съезде.

Интерес, проявленный таким большим числом кадет, доказывает потенциальную силу объединения, превосходящего все остальные, наличием единодушия и тесной товарищеской спайки. Особо радостным явлением можно считать деятельное участие молодых сил, детей зарубежных кадет, как видно желающих активно участвовать в жизни объединения. Углубившись в смысл поставленных задач объединения нужно признать, что именно оно реально подошло к вопросу сохранения национального лица эмиграции, делая ставку на воспитание молодежи, причем само обязалось в этом непосредственно участвовать, либо сотрудничая в церковно-приходских школах, либо поощряя образование и воспитание наших детей в русском духе. Нашим детям необходимо остаться русскими, Россия должна быть и будущее их и России должно лежать частично в их руках. Нам же, остальным, нужно усвоить новое лицо русского эмигранта, в котором название «эмигрант» давно потеряло значение, определяющее бездомного, полу-бесправного скитальца или поселенца. Наоборот, с придачей понятия «русский», оно дает нам ярко выраженное лицо полезных сотрудников в строительстве нового общества, которое строится на твердых устоях религии, положительной нравственности, незапятнанной чести и сугубой непримиримости ко злу. У нас, русских, за годы прожитые в зарубежье, скопился огромный опыт, который мы обязаны использовать, а кадетам, воспитанным на твердых, вековых традициях, и карты в руки. Так «ну ка братцы, тверже ногу, впереди вас счастье ждет!» — счастье в том, что вам надлежит исполнить заветы дедов и совместно удовлетвориться сознанием исполненного долга перед Россией. Прочие же праздношатающиеся зеваки, прохожие, либо примыкай к строю, либо рассыпайся по своим закоптелым норам.

Г. С. Ж.

НАШ ИНСТИТУТ

Вся заслуга в том, что был основан наш Институт в Югославии в гор. Велика Кикинда, всецело принадлежит Наталии Корнельевне Эрдели. Бывшая Смолянка, окончившая Институт с шифром, в высшей степени образованная, талантливая, молодая и полная энергии, она прежде всего была патриоткой. Попав в эмиграции, как большинство русских, в Югославию, она с первых же дней осознала необходимость сохранить русский дух в русских детях и с этой целью, в изгнании, основать Институт для русских девочек, конечно, по образу и подобию того, который сама окончила.

В Белграде, с присущими ей обаянием и дипломатией, она добилась своей цели: были отпущены скромные суммы на открытие и содержание Института, но было это сделано с маленькой оговоркой: дабы в Министерстве Просвещения кой-кто не чинил препятствий, предложили Наталии Корнельевне назвать новое учебное заведение официально: Первая Русско-Сербская Девичья Гимназия. Наталия Корнельевна вполне поняла причины и на предложение согласилась. Фактически, в нашем Институте, за все время его существования, перебывало не более 6-8 сербок, да и те, почти все, были полу-русские.

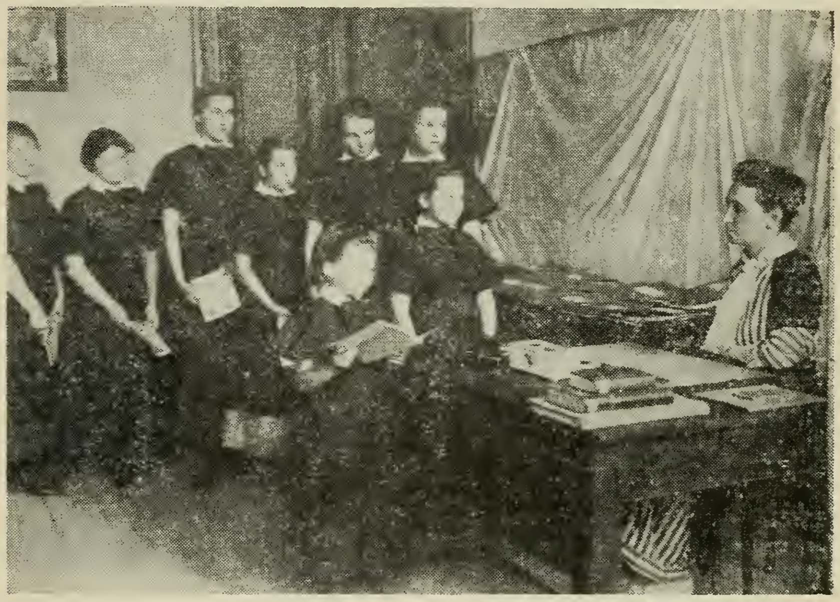
Все принципы, правила, обычаи и дух в основе были институтские.

Счастливая и окрыленная большими надеждами, Наталия Корнельевна, на вокзале, приняла от русского офицера его крохотную дочку в младший приготовительный класс и с маленькой Женичкой Воронец поехала в гор. Велику Кикинду, в Банат, где для Интерната было отведено здание.

Вскоре стали прибывать русские девочки и девушки всех возрастов в различные классы. Первые шаги были очень тяжелы, но ни Наталию Корнельевну, ни воспитанниц не смущало ни то, что у крестьян чистили кукурузу и, в награду получив сухие листья, набивали ими матрасы на которых, первое время спали на полу, ни белье и форма из грубейшего матерьяла, ни ботинки на мужской покрой: с боков резинки, впереди и сзади ушки, часто смешно торчащие, ни простая, но здоровая пища, ни жестяная столовая посуда, а ложки из чистого железа начищенные дежурными, покрывались ржавчиной после первого же глотка супа, ни тазы вместо душей или ванн с небольшим котлом горячей воды, которой наслаж-

дались лишь первые попавшие в баню, а остальные?.. холодная вода приятно освежала!.. Все это были незначительные мелочи по сравнению с целью.

Был подобран отличнейший состав педагогов с большим стажем и состав воспитательниц — классных дам, знающих свои обязанности. Разговор на французском и немецком языках был обязателен в обыденной жизни и только во время 2-й мировой войны, попав в Германию и Австрию многие были этому рады.

От каждогю класса дежурная несет рапорт Наталии Корнельевне — начальнице Института.

В Институте были введены строжайшие правила и драконова дисциплина, которой беспрекословно все подчинялись и за которую мы по сей день благодарны.

Особое внимание было обращено на искусство и всем талантливым: поющим, танцующим, рисующим, рукодельницам и т. д. была дана возможность усовершенствоваться. Но самое большое внимание было обращено на музыку. В Институте было не мало хороших пианисток, конечно, признавалась только классическая музыка. Инспектор классов — Борис Николаевич Эрдели был замечательным пианистом и всем особо способным сам давал уроки, остальным — преподавательницы. В городском театре устраивались концерты привлекав-

шие культурное общество города. Впоследствии, по окончании института, многие поступали в Университеты и вышло не мало: балерин, художниц, инженеров, преподавательниц в гимназиях и, конечно, докторов, а была даже одна ставшая инженером-механиком. После 2-ой мировой войны многие попавшие в различные страны, сдав государственные экзамены по своим специальностям, продолжают свое дело.

Цель Наталии Корнельевны была достигнута: она вывела на жизненный путь русских девочек ставших полезными и обществу, и своим семьям и себе.

По случаю первой годовщины основания института Наталия Корнельевна произнесла речь, приветствуя воспитанниц, и между прочим сказала: «Вот, эта маленькая Женя открыла Институт и я бы желала, чтобы она этот Институт и закончила»... Да, Женя закончила этот институт в 1931 г., но Наталии Корнельевне не суждено было это увидеть, т. к. она умерла в 1925 году 36-ти лет. В 31-ом же году был закрыт и наш Институт, просуществовавший ровно 10 лет. Закрыт он был по той же причине, как и один из Кадетских Корпусов, так как государство не имело возможности содержать три корпуса, три института и гимназии в Белграде.

В 1923 г. Наталия Корнельевна с двумя воспитанницами поехала на прием во дворец и Королева Мария милостиво приняла наш Институт под свое покровительство. Ежегодно посылались во дворец подарки — рукоделия, а от Королевы приходили красивые коробки из резного дерева, с шеколадом. Шеколад делился между всеми, а коробки выигрывали счастливые.

Через пару лет после основания Института Председатель кикиндских соколов пригласил наш институт примкнуть к ним. Наталия Корнельевна приветствовавшая всякого рода телесные упражнения, с радостью согласилась, но и тут поставила свое условие: «У нас должна быть наша собственная форма». Сербские сокола всполошились, даже был послан доклад в центр Сокольства — в Прагу, но, Наталия Корнельевна настояла и здесь на своем. Форма наша была: Белая шапочка, сине-голубая блузка и в складочку красная юбка. При безукоризненной маршировке, за которую мы получали отдельно призы, не говоря о наградах за выступления, при нашем появлении создавалось полное впечатление развертывающегося русского трехцветного флага, приводившее в восторг сербов, не говоря о русских.

Снимок с сокольского слета в В. Кикинде.

В 1923 году Наталия Корнельевна решила ввести новшество: чтобы институтки своими силами издавали журнал названный «Черные Пелеринки». Журнал обещал быть очень содержательным и интересным так как было не мало хорошо пишущих и чудных поэтесс, но со смертью Наталии Корнельевны журнал больше не печатался, таким образом вышло всего два номера.

После смерти Наталии Корнельевны ничто, как будто, не изменилось. Правда, при новой начальнице, генеральше Елизавете Эдуардовне Абациевой, женщине более мягкой и более доступной, было как-то легче дышать — строгости слегка смягчились, но все основы, фундамент постройки Наталии Корнельевны, оставались те же.

Со дня основания нашего Института прошло более 50-ти лет — больше половины века, но память о нашем Институте живет глубоко в наших сердцах и помыслах. Теперь, уже в преклонном возрасте, мы крепко и дружно держимся за воспоминания о наших лучших годах жизни в степах институ-

тута. Встречаемся, путем переписки поддерживаем связь с разбросанными по всему свету нашими бывшими институтками от 1-го и до последнего выпуска и даже издаем дважды в год свой журнал: «Мы — для себя».

Как радостны и приятны все воспоминания и как печально, что все позади и неповторимо!

Секретарь Объединения
быв. кикиндских институток
Ариадна Свечникова (Саликова).

Один из выпускных классов с клас. дамой А. В. Родионовой и начальницей Е. Э. Абациевой.

ИНТЕРЕС К ПРОШЛОМУ РУССКОЙ АРМИИ *).

В Советской России, в военной среде уже давно наблюдается большой интерес к истории и быту старой Императорской Армии. В созданной после революции Красной Армии, которая ничего общего не имела с Царской Армией, кроме разве того, что она была создана вольно, или невольно, ее бывшими офицерами, после 55 лет ее существования в ее рядах уже не осталось того командного состава фанатиков-большевиков, всячески поносивших Царскую Армию. Теперешние офицеры Красной Армии считают, что они являются преемниками старой армии и, поэтому, интересуются абсолютно всем, что было с ней связано. Сюда входит ее история, ее традиции, быт и военная литература.

В 1957 году, Академией Наук СССР была издана книга под названием «Очерки по источниковедению военной истории России», автор Л. Г. Бескровный. Во введении сказано, что Источниковедение военной истории занимается изучением источников по истории войн и военного искусства. Разработкой этой важной отрасли исторической науки до сих пор не занимались. Автор поставил своей задачей дать обзор военно-исторических источников, относящихся к военной истории России с древнейших времен до мировой войны 1914-18 г.г. К этим источникам относятся: летописи, сказания, мемуары, теоретические сочинения и т. д. К первым источникам принадлежит очерк под названием «Источники о военном деле у древних славян» и к последним — мемуары участников войны 1914-18 г.г., офицеров Российской Императорской Армии. Очевидно автором было собрано все, что только можно было сбрать из всех архивов государства, все что относилось к теме этой книги. В ней помещены также и записки и мемуары иностранцев в этой отрасли. В книге сказано, что «некоторое количество мемуаров появилось заграницей. Авторы их белоэмигрантские генералы и офицеры, ставшие на службу международной реакции. Их писания большей частью — злой пасквиль на русский народ». Несмотря на это, можно быть уверенным, что все эти мемуары безусловно были использованы для пополнения материалов по составлению истории войны 1914-18 г.г.

---

*) Сообщение сделанное Александром Стацевичем на Третьем Съезде. Смотри "Перекличка" № 4, стр. 29.

В главе «История войсковых частей» перечислены названия всех полков Царской Армии, издавших свои истории, памятки, или другие исторические справки, причем названия полков приводятся полностью, напр. «Л. Гв. Уланский Е. В. Г. И. Александры Федоровны», работа С. Гавловского (СПБ.) 1897 г.; «Л. Гв. Атаманский Е. И. В. Наследника Цесаревича», работа П. Краснова (СПБ.) 1900 г. и т. д.

В главе «Военная журналистика» перечислены абсолютно все военные журналы, выходившие в России с 1858 г., начиная с «Военного сборника» и «Русского Инвалида». Дольше всех просуществовал из солдатских журналов «Досуг и Дело» (СПБ.), 1868-1914 г. Поясняя, что все эти издания солдатских журналов имели официальную цель «способствовать распространению между нижними чинами войск грамотности и, посредством ее, правильному развитию понятий», добавляется... «и призваны были привить солдатам идеи верности «Царю и Отечеству», делая армию послушным орудием в руках «самодержавия» и оградить ее от влияния революционных идей.

При многих военно-учебных заведениях издавались свои журналы и сборники под руководством директоров корпусов. Вопрос об издании этих журналов обсуждался на 1-м Съезде преподавателей русского языка военно-учебных заведений (1903 г.), где было решено считать их издание полезным делом «при внимательном к нему отношении». С этого времени появился ряд кадетских журналов. По своему содержанию они были почти одинаковы: в них печатались передовые статьи, рассказы, повести, стихи, воспоминания, критические статьи из корпусной жизни; были отделы биографии и спорта. Сотрудничали в журналах, главным образом, кадеты, но в некоторых корпусах принимали участие и педагоги. Благонамеренный характер журналов иногда нарушался и, наряду с благонамеренными статьями и стихами, в них попадали материалы, авторы которых критиковали своих наставников, или даже помещали карикатуры на них. Корпусное начальство в таких случаях, сурово расправлялось с журналом: он переставал издаваться, или выходил под другим названием после долгого перерыва.

С 1903 г. издавались следующие кадетские журналы и сборники: 1). «Кадетский досуг», журнал 1-го кад. корпуса (1905-1913); 2). «Кадетский досуг», журнал Симбирского корпуса (1904-1905); в 1907 г он стал выходить под названием «Первый труд» (1907-1911); 3). «Литературно-на-

учный сборник» Владимирского-Киевского корпуса (1905) с 1912 г. стал называться «Кадетским журналом»; 4) «Пажеский сборник», Пажеского корпуса (1905-1916); 5). «Кадетское слово», журнал Николаевского кад. корпуса (1905-1906), с 1907 г. стал называться «Маленький журнал», (1907-1909); 6). «Донец», журнал Новочеркасского кад. корпуса (1906-1915); 7). «Кадет», Сумского кад. корпуса (1906); 8). «Кадет», 3-го Московского кад. корпуса (1909-1916); 9). «Михайловец», 2-го кад. корпуса (1907-1911), с 1912 г. назывался «Кадет-Петровец», (1912-1913); 10). «Кадет-Михайловец», Воронежского кад. корпуса (1908); 1) «Полочанин», Полоцкого кад. корпуса (1906); 12). «Кадетский Сборник», Александровского кад. корпуса (СПБ. 1906-1911); 13). «Кадетская Жизнь», 2-го Московского кад. корпуса (1906); 14). «Волец», Вольской военной школы (1907-1916); 15). «Кадетская Мысль», Нижегородского кад. корпуса (1907); 16). «Досуг Владикавказца», Владикавказского кад. корпуса (1910); 17). «Пскович», Псковского кад. корпуса (1914-1916).

Все перечисленные в книге военно-литературные произведения старой России хранятся по архивам и книгохранилищам и конечно недоступны для советских офицеров. Кое-что печатается ввиде мемуаров Сов. властью, из которых можно почерпнуть кое-какие сведения, как например воспоминания графа Игнатьева, быв. рус. воен. агента во Франции, перешедшего потом на сторону большевиков, а также и других авторов. Известно, что некоторое количество сов. офицеров, правда очень небольшое, имеет возможность знакомиться с нашей военной литературой, издаваемой заграницей, и которая читается ими с большим интересом, потому что в этой литературе, главным образом, и находится описание быта старой Русской Армии, т .е. все то, что их интересует.

Как пример, подтверждающий этот интерес, можно привести случай, когда несколько лет тому назад один эмигрант, бывший царский офицер, будучи туристом в Ленинграде, пошел «навестить» свое Константиновское Артиллерийское Училище, которое он в свое время кончил. В том же здании помещалось артиллерийское училище Красной армии. Он откровенно объяснил, кто он, и попросил разрешения осмотреть здание. Офицеры артиллеристы водили его всюду, все показывая и объясняя. В конце концов они пригласили его на обед

В ЛЕНИНГРАДЕ.

Прошедшим летом мне пришлось провести несколько дней в Ленинграде, куда мы с женой попали проездом в Таллин (бывший Ревель) откуда моя жена родом.

Короткое пребывание на Русской земле произвело на меня большое впечатление, так как нигде и никогда не видел я раньше столько памятников великого прошлого России. Никак не ожидал я услышать старые дореволюционные названия, как например: «Дворцовый мост», «Дворцовая площадь», «Гостиный двор» и т. д., а также и прекрасно сохранившиеся памятники. Не вдалеке от Дворцовой площади памятник Петру I сидящему на коне со взглядом устремленным на Неву. Немного дальше, на Исаакиевской площади между храмом и импозантным зданием гостинницы Астория, памятник Александру II.

Вообще, гуляя по гранитной набережной Невы и любуясь красотой построек, замечаешь то Российский герб с Георгием Победоносцем, на верхушке старого, многоэтажного здания, то двуглавые орлы до сих пор украшающие арки исторических зданий.

Однажды гуляя по Невскому проспекту около Гостиного Двора, мы решили передохнуть в скверике которых, кстати довольно много и которые содержатся в образцовом порядке. В центре большой цветочной клумбы мы увидели памятник Екатерины Великой простирающей руку со скипетром по направлению к Невскому проспекту. У подножия ее памятника барельефы ее современников: ученых, писателей и полководцев.

За неимением времени мы просто брали такси и просили шоферов, которые в большинстве случаев были очень любезными, разговорчивыми и простодушными, показать нам ста-

---

и за обедом уже они расспрашивали его подробно обо всем, что касалось жизни старого училища.

Есть сведения, что гвардейские полки Красной армии могут «пристегнуть» к истории своей части, историю какого-либо гвардейского полка Царской Армии. Это опять подтверждает то, что они хотят считать себя прямыми наследниками и преемниками старой Царской Армии.

Александр Стцевич. Р. К. К.

рину: дворцы, памятники и церкви, что они охотно выполняли, часто давая простые пояснения относительно того или иного случая из жизни царей из которых неизменно вытекало, что царь или царица были людьми мудрыми и справедливыми. Никакой злобы или иронии в этих рассказах я не заметил, однако о царях второй половины 19 века разговоры как-то не заводились.

Также заметил, что советские люди разговаривая с нами иногда называли Ленинград Петроградом, но никогда не Петербургом, каковой в советской истории по всей вероятности, не упоминается.

Задержались мы в Ленинграде, чтобы осмотреть Русский Музей, Эрмитаж, а также полюбоваться на Петергофские фонтаны и когда пришлось лететь дальше, то очень жалели, что наше пребывание было таким коротким.

Русский Музей произвел на нас особенно большое впечатление. Картины Шишкина, Левитана, Сурикова, Айвазовского и Репина, которые так знакомы всем нам еще по корпусным хрестоматиям и репродукциям, произвели в оригинале огромное впечатление, а многие удалось даже сфотографировать, несмотря на то, что в залах было очень неудачное освещение и многие ценные картины находятся под стеклами и в них отражается все начиная с окон и до стоящих перед ними людьми.

В одном из маленьких залов, картина во всю стену, до самого потолка изображает Юбилейное Заседание Государственного Совета под председательством Императора Николая II (написана она кажется Репиным). Картина настолько грандиозна, что государственные сановники на первом плане, больше человеческого роста и сфотографировать полностью ее не было возможности, так как зал не имел достаточной глубины.

На следующий день пошли мы осматривать Государственный Эрмитаж с его величественными мраморными лестницами, хрустальными люстрами и произведениями искусств собранных со всего света. К моему большому удивлению огромные залы были заполнены редкими, старинными одеждами: начиная с петровских кафтанов, бобровых шуб, генеральских и дипломатических мундиров и кончая платьями художественной и тонкой работы лучших парижских домов 19 и 20 веков. Другие залы завешаны портретами генералов Отечественной и Крымской войны.

Как в Русском музее так и в Эрмитаже довольно редко натыкались мы на залы с картинами и скульптурами относящи-

мися ко времени революции или носящими пропагандный характер. Конечно мы их и не искали, но есть, говорят, специальные музеи и выставки куда водят иностранных туристов, которые по неосведомленности покупают разные «туры» где и получают полную порцию советской пропаганды.

Так как мы поехали индивидуально, то и ездили всюду сами и смотрели главным образом памятники великого прошлого России.

В последний день нашего пребывания в Ленинграде мы взяли такси и поехали в Петергоф, теперешний Петродворец. Несмотря на частичное разрушение во время второй войны и похищение многих статуй немцами, дворцы, дворцовая церковь, фонтаны и парк, все восстановлено: кресты, гребы и статуи, все сияет позолотой, которая выглядит как-то слишком ярко и по моему только портит великолепные бронзовые статуи.

Из того что я видел в России я вынес заключение, что ненависть к старому строю и в частности ко всему царскому, которая так сильно проявлялась в первые десятилетия после революции, прошла, а заменило ее просто уважение к истории великого государства.

К. П. Лесников (К.К.К.)

ВСТРЕЧА С ДАЛЕКИМ, ДОРОГИМ ПРОШЛЫМ.

Несколько лет тому назад мы решили с женой поехать летом в Венецию на автомобиле, а оттуда на югосл. пароходе «Ядран» по побережью Адриатического моря и провести каникулы в Милочере, быв. имении Королевы Марии, превращенном теперь в первоклассный отель с двумя пляжами мелкого песка и укрытыми со стороны моря скалами, обросшими кустами и деревьями, с огромным парком с тенистыми аллеями и множеством лужаек и всевозможных цветов, за которыми ухаживали несколько садовников и все время их поливали, куда вход посторонним был строго «забраньен»!

Милочер расположен напротив довольно высокого острова Свети Стефан с прилепившимися к нему маленькими домиками рыбаков, теперь снабженными полным комфортом и довольно дорого сдающимися, главным образом, американским

туристам. Наверху острова, куда поднимаются узкие крутые улички, находится маленькая православная часовенка и несколько чахлых деревьев. Для того чтобы попасть на остров нужно пройти по мостику, в конце которого, перед входом стоят две маленькие пушечки и столик, за которым сидит какая-то личность и взимает деньги за вход.

Пребывание в Милочере, где многое еще напоминало о Королеве, перенесло меня на много лет назад, в то время, когда я, будучи студентом, состоял инструктором в Русском Соколе в Белграде, который должен был принять участие в празднествах по случаю свадьбы Короля Александра с Румыской Принцессой Марией, и выступать в массовой демонстрации вольных движений — 4-х сокольских «фраз» — перед королевской четой. Группа юнкеров Николаевского Кавалерийского У-ща также должна была приехать в Белград и вот «Сокол» послал меня в Белую Церковь, чтобы проверить подготовку юнкеров и вернуться вместе с ними.

Все прошло хорошо — при входе в Училище, на площадке лестницы, стоял длинный ряд юнкеров «под шашкой», среди них Силич и, кажется, Казаков, моего отделения по корпусу; представился начальству, познакомился с грозой юнкеров, в «безкозырке с козырьком», вахмистром Хмара-Борщевским, попал на именины Сидорчука и мы с ним так «напраздновались» в какой-то «кафане» в городе, что я заснул под кустиками около Училища, а Костя пополз на перекличку... На следующий день мы путешествовали без приключений, но, в момент посадки на пароходик, жандармы спрашивали специальное разрешение для въезда в Белград, которого у меня не было. Положенье было неприятное, тем более, что у меня не было больше денег. К счастью мне удалось уговорить жандармов и, когда пароходик уже отходил, я на него прыгнул, побивая олимпийский рекорд!..

Мы останавливались в Дубровнике, мне пришла идея слетать в Сараево, о котором я сохранил наилучшие воспоминания и много рассказывал жене о жизни в Корпусе, посмотрев Сараево вернуться в Дубровник, откуда на маленьком пароходе доехать до Будвы, а оттуда на такси в Милочер.

Мы благополучно добрались до Венеции, оставили автомобиль в башне-гараже Фиата, а сами поехали на маленьком пароходике, заменяющем автобус, в гостиницу на берегу Лагуны, около площади св. Марка. Описывать Венецию не буду, т. к. это займет много места, а только скажу, что ни один го-

род не произвел на меня, с первого взгляда, такого сильного впечатления, как Венеция! Было ли это результатом ее оригинальности — многочисленные каналы с мостами вместо улиц, или же ее сказочное, славное историческое прошлое, связанное с некоторым романтизмом, в котором всегда представлялась Венецией в нашем воображении, право, затрудняюсь сказать! Мы осмотрели город, красивый собор, величественный дворец Дожей с картинами и огромным залом без колон, тюрьму очень мрачную, отчего соседний мост называется «мостом вздохов». Проехали на «вапоретто» на прекрасный пляж «Лидо» и Мюрано, где на стеклянном заводе перед туристами делают замечательно красивые вещи, покатались на гондоле, поели мороженое на площади Сан Марко, где после обеда и до поздней ночи играют небольшие оркестры, иногда слишком близко один от другого, в то время, как публика гуляет по площади, распугивая многочисленных голубей, но, конечно, всего осмотреть не успели, хотя позже были опять в Венеции, которая у меня по красоте стоит после Петрограда.

Через несколько дней пришел «Ядран» — маленький белый пароходик, весь украшенный флажками и разноцветными лампочками, с уютными столовой и залом для танцев с баром, а также хорошим бассейном для плаванья. При прибытии и отплытии с него, по громко-говорителю, раздавались звуки марша из фильма «Мост на реке Кваи», в знак приветствия многочисленной публики, которая всегда собиралась посмотреть на туристов. На «Ядране» мы провели несколько лучших дней наших каникул! Быстро подружились с оркестром, состоявшим из студентов и они часто играли для нас русский репертуар. Из всех способов путешествия я предпочитаю пароход, т. к. жизнь на нем очень интересная, разнообразная и легкая: за вами ухаживают, хорошо кормят, всячески развлекают, организовывая разные игры и после обеда и вечером танцы с хорошим оркестром и недорогим баром по выходе в море — одним словом, живете в хорошем плавучем отеле, который посещает разные страны и города, в которых вас ждут автокары, чтобы делать экскурсии. Описать красоту и богатую историю Адриатического побережья я не в состоянии. К счастью многим кадетам удалось там побывать, а если нет, то настойчиво советую это сделать... пока не поздно! Приведу только легенду, по которой, когда боги сотворили землю, моря, животных и людей, то решили создать для собственного отдыха место, превосходящее все ими созданное, и

они поместили его на берегу Адриатического моря. Описание истории взяло бы слишком много места настолько она старинна, интересна и разнообразна событиями.

Пароход идет все время ввиду берега и трудно оторвать глаза от беспрерывно меняющегося пейзажа — домики подступающие в заливчиках к самому берегу моря, остатки крепостей, построенных неизвестно когда, кем и против кого на берегу и на многочисленных островах, на одном из которых ДВЕ церкви и ничего другого! Пароход пристает у набережной городов со славным историческим прошлым под звуки марша; туристы сходят в город, осматривают достопримечательности и покупают всякие кустарные изделия, обыкновенно для подарков родным и друзья, пишут открытки, чтобы удивить знакомых, которые остались в Бельгии. Приход парохода — это местное событие и население толпится на набережной, некоторые стараются завязать, оглядываясь по сторонам, торговые сношения с туристами — это, конечно, в странах «комм. рая»! В одной из бухт дремлят на якорях небольшие серые суда военного флота. На берегу, вдоль побережья видны невысокие горы и теперь, с незначительными техническими средствами, построена отличная дорога, позволяющая его проехать на автомобиле.

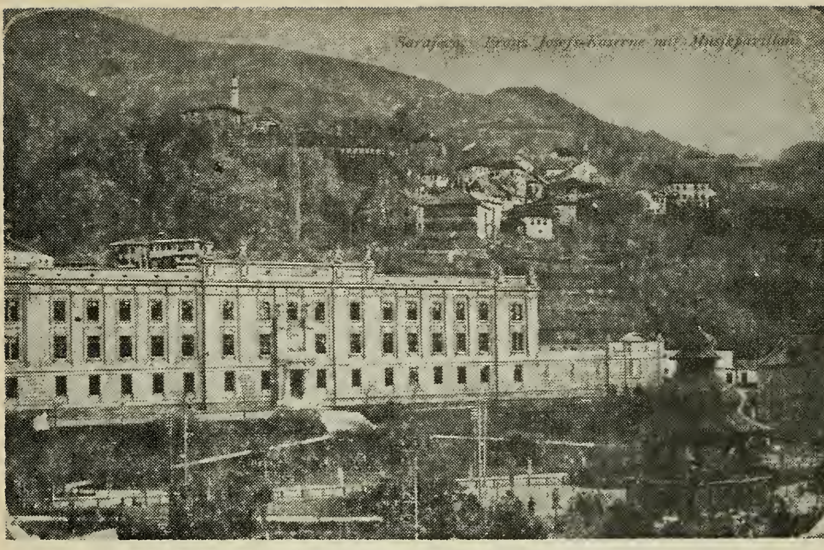
В Дубровнике мы покинули радушный «Ядран», чтобы через две недели вернуться на нем из Милочера в Венецию. Такси нас отвез на край города в хороший старый отель «Континенталь» над самым морем, где нас пригласила ужинать пара американцев — пароходное знакомство. На следующий день небольшой «бюс» нас отвез по красивой дороге на аэродром, откуда перелет до маленького живописного аэродромчика в окрестностях Сараево, короткий, но довольно неприятный, из-за «воздушных ям», т. к. летим низко над очень красивыми горами и вот после более чем сорокалетнего отсутствия, я снова в Сараево!

Маленький «бюс» везет в центр города, где также трудно поставить автомобиль, как у нас! Не могу сказать, что мое сердце билось сильнее, ни что слезы выступили на глазах, нет, это было скорее чувство любопытства и нетерпенья увидеть места, где я бывал, где прошла часть моего юношества, счасливого или кажущегося таковым теперь, во всяком случае, нормальной жизни после революционной и Добровольческой эпопеи!

Мы остановились в отеле «Европа», мимо которой я проходил столько раз, гуляя на «корзо». По дороге от аэродрома, на местах разрушенных домов, разбиты садики или построены хотя в малом количестве, высокие дома модерн, что портит немного общий вид города. На улицах чисто и мусорные железные ящики такие же какие были у нас — теперь из пластмассы. Наверно исчезли очень оригинальные бочки для поливания улиц — один «босанец» правит лошадью, другой идет сзади и за веревку мерно раскачивает толстую, вроде пожарной кишки, лейку. Кадеты быстро окрестили эту старинную систему, заменяя бочку... слоном!..

К «Европе» сделана пристройка с большим рестораном, а на месте разрушенных рядом домов, до самого угла на Башчаршию, стоят столики. Около полуразрушенной стены, обвитой плющем и освещенной ночью прожектором, сделана площадка для оркестра и пист для танцев. Кормят в «Европе» неважно и мы решили ходить в маленький ресторан, расположенный на другом берегу Милячки, напротив городского театра и где можно получить национальные блюда. На следующий день мы начали выполнять намеченную программу моего паломничества. Первый визит был увы! — к дантисту, с которым я смог поговорить о моих знакомых сербских семьях, которые он знал. Мало кто остался: родители умерли, а детей война и революция сильно раскидали. Несмотря на довольно примитивное оборудование его кабинета, он мне хорошо починил зуб и рассказал, что своей судьбой он доволен, т. к. у него нет конкуренции. У него дача, машина, дети кончают У-тет — я охотно этому верю, видя с какой быстротой, не только он, но и его жена «обрабатывают» своих пациентов, особенно босанских «сельаков».

Затем мы направились к Корпусу. Когда мы вышли на набережную Милячки, то вместо привычного вида Касарны Кральа Петра — высокие деревья!.. Мы пошли к мосту, около которого стоял серб, убивший Эрц-герцога Фердинанда и его супругу, выехавших из казармы, несмотря на все уговоры, после первого неудачного покушения. Перешли мост, как я делал это столько раз! Справа киоск, в котором мы покупали папиросы и табак, которые продавали по-штучно. Совсем неузнаваем сквер с небольшими деревьями и кустами: это его, теперь высокие деревья, закрывают казарму, а павильон посередине сквера, в котором выступали различные хоры, в том числе и наш, и играла музыка, больше не существует. Улица

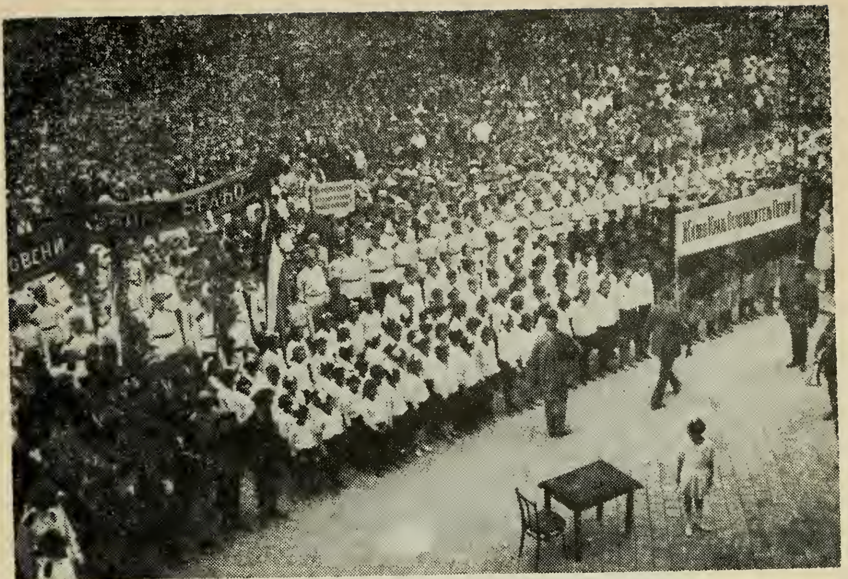
Здание Корпуса в старину и павильон в сквере.

расширилась за счет садика у Корпуса, где мы пели. Само здание Корпуса не тронуто и осталось со всеми барельефами на стенах каким было в наше время. Через входную дверь, где в подворотне был сербский караул, видны в глубине двора, вместо манежа, пристройки к казарме.

Вспоминаю, как на этом же дворе, весь корпус был построен в ожидании визита французского маршала Франшэ д'Эспэрэ. Ген. Адамович прогуливался перед фронтом и приготовлял речь с преподавателем французского языка п. Скалоном. После церемонии, во время которой ген. Адамович приказал кадетам раненым и отличившимся во время гражданской войны, также всем участникам, поднять руку — получилось довольно внушительно! — роты построились в зале, где он сказал речь, обращаясь к маршалу по-русски, чтобы кадеты поняли, а п. Скалон переводил на безупречный французский язык. Главная мысль была та, что перед маршалом стоят дети, из которых многие потеряли отцов и братьев на полях Восточной Пруссии для спасения Франции — «чудо на Марне»! — и теперь очутившиеся за границей после неравной борьбы Добрармии, оставленной союзниками, и потерявшие свои семьи и Родину. Кадеты все остались довольны этой речью! После этого была концертная программа, во время которой французы смогли оценить русские песни. Нужно сказать, что по прибытии в Сараево, Корпус не пользовался большим успе-

хом по двум причинам: правая и руссофильская часть населения принимала нас за унтер офицерскую школу — «подофицерская школа» — левая же часть считала нас анти-большевиками, в чем они не ошибались, и относились враждебно, так что 1-ый выпуск уехал в Крым под охраной жандармов! Участие 1-ой и 2-ой рот на параде в день именин Короля Петра и благосклонное отношение ген. Хаджича завоевало много симпатий. Несмотря на некоторое затруднение — из-за разницы темпа шагов — кадеты прошли хорошо и заслужили похвалу ген. Хаджича. В том же году Королевич Александр, быв. кадет Пажеского Корпуса, приехал в Сараево. Ему была устроена торжественная встреча, на триумфальной арке была надпись «добро дошао, бели Орао — верна Босна Те чека». Впереди королевского экипажа ехали всадники в национальных костюмах с флагами. Был большой парад, в котором принимали участие два эскадрона гвардейских гусар. Несмотря на те же затруднения, мы хорошо прошли перед королевской трбиуной, король нас похвалил и на обеде ген. Адамович получил орден Белого Орла.

Площадь перед казармой очень изменилась: на месте типичных домиков мусульманского квартала, с правой стороны казармы, большой магазин, дорога в гору, около мечети, асфальтирована, исчезли также дома напротив казармы, где был окружной штаб и где жил наш большой друг ген. Хаджич, которого мы отнесли на руках в кресле домой, когда, после торжественной церемонии во дворе корпуса, ему был передан орден св. Великомученика Георгия, которым он был награжден еще в России, где он командовал сербской дивизией. У ворот казармы стоит часовой и не спускает глаз с моих фотографических аппаратов... Я у него спрашиваю разрешение снять казарму, в чем он мне, конечно, отказывает... Вспоминаю, как 14-го мая 1921 г., перед этими воротами были построены две старшие роты с плакатами с надписями: «Живела деца Краљевине» — «Хвала, Брачо» — «Живели сви Словени» — это был «дечий дан», и кадеты принимали участие, наряду с соколами в парадной форме и школами, в манифестации через весь город. Когда на обратном пути мы вышли на главную улицу с песнями, толпы жителей на тротуарах и в окнах домов устроили нам настоящую овацию и забросали цветами. Ген. Адамович, который ехал верхом впереди нас, повернулся на коне, бледный от волнения, и закричал: «подбирайте цветы!», что мы и сделали... Это было бурное

Кадеты на "Дне ребенка" в 1921 г.

проявление симпатии населения Сараево к нашему Корпусу, сараевцы брали под свое покровительство кадет, широко открывая дружеские объятия и двери своих домов. Сколько кадет «ходили в отпуск» в сербские семьи! Перейдя обратно мост — Латинска чуприя, — хотели зайти в музей, посвященный памяти злосчастного покушения 14-го года, но он был закрыт — ремонт! Следующие визиты и увы! разочарования были: базар — чаршия и мечеть — Бегова Джамия...

Все мы хорошо помним этот живописный базар, представлявший смесь востока с западом, с преобладаньем первого. Узенькие улички с небольшими лавочками, расположенными по специальностям: здесь на порогах обрабатывали и продавали всевозможные кожаные изделия — бумажники, портсигары, опанки, уздечки и сбруи для ослов и т. п., дальше — кроили, шили, вышивали красивые национальные костюмы, ткали очень красивые и хорошие ковры, валяли фески. В другой улице стоял беспрерывный стук молотков — это выбивали медные подносы для кофе и тазы, искусно выделывали изящные ожерелья из золотых и серебрянных монет, кольца, брошки, браслеты, перстни, некоторые мастера работали с серебром как у нас на Кавказе; рядом улица, в которой находятся маленькие ресторанчики, скорее «обжорки», где можно очень дешево попробовать турецкую и сербскую кухню. Улички, ко-

Знаменитая мечеть — "Бегова джамия"

торые в наше время были полны всякими деятельными ремесленниками, теперь опустели и заглохли. Почти не слышно криков продавцов бузы, лимонада и сладостей, не видно в толпе мусульман в красивых, столь оригинальных босанских, национальных костюмах: ослепительно белые рубахи, цветные, часто расшитые не застегнутые жилетки, черные с широким задом панталоны с широким цветным поясом вокруг талии, на ногах мягкие кожаные опанки и на голове красная феска, часто с белой, красной или зеленой чалмой — их заменили помятые старые костюмы и грязные шляпы и береты, потерявшие всякую форму. Не видно больше женщин в широких панталонах, закутанных в полосатые или цветные шарфы так, что видны одни глаза, и которые, в нашем воображении, представлялись красивыми. Мне пришлось долго ждать, чтобы снять босанца в национальном костюме. Весь базар имеет вид бесконечно печальный: многие лавки, особенно продовольственные, закрыты и начинают разваливаться — двери и окна с разбитыми стеклами покосились, краска облез-

Старинный базар — "Башчаршия"

ла и штукатурка осыпается, в других — витрины почти пустые и вся, когда-то кипучая, деятельность как бы замерла. В почти пустой лавочке, куда мы зашли, чтобы купить феску для подарка, хозяин полез на чердак, где у него хранился товар!.. Все это понятно: кустари — мелкие собственники и в коммунистическом государстве являются нежелательным элементом. Мне пришлось долго искать, где выпить стакан бузы, показавшейся мне невкусной, — то ли буза изменилась, то ли мои вкусы? Думаю, скорее, второе, т. к. то же было с дешевым пивом «питерман», моих студенческих лет в Лувене, с квасом в России, где его дают пробовать туристам, как и с лакомствами моего детства — медовыми стручками, маковками, семячками и т. п. Исчезли маленькие столовки с большими блестящими ярко начищенными медными котлами, в которых готовили разные блюда турецкой кухни и которые, когда с них снимали большую крышку, распространяли вокруг столь приятный и апетитный запах. Помню, как будучи студентом в Белграде, я работал в Боснии на лесопилках по приему досок, т. к. летом стипендии не давали, также как позже в Бельгии, и всякий раз, когда попадал в Сараево, брал, в одном и том же ресторанчике, блюда из одного котла за другим...

С базара мы пошли в мечеть. Раньше это было место, куда сходились молиться босанцы мусульмане, игравшие, хотя и не

в такой степени, как при турках роль, позже ослабленную во время австрийской оккупации, но все же с ними считались в Боснии. Теперь же это печаль и запустение — всюду видны следы заброшенности и обеднения. Внутри мечети, в которой я никогда не был, атмосфера «музейная», как в большинстве церквей в России, где нет служб, не то что в мечетях в Константинополе. При входе старичек растелил каучуковую дорожку и не требует, чтобы снимали обувь. Он рассказал истории великолепных громадных ковров, которыми устлан весь пол мечети и, провожая, у выхода попросил «не забыть проводника!» Грустное впечатление, жалкие остатки когда-то могущественного турецкого владычества и магометанства...

«Позоришна кафана», куда мы ходили, расположена на другой стороне Милячки, напротив городского театра; столики стоят на открытом воздухе под деревцами на берегу реки. Там была хорошая вкусная кухня, отличное вино и даже настоящая «турска кава», а не кофе в порошке. Кроме того каждый вечер на ужин зажаривался целый барашек — около разведенного в примитивной печке огня, сидел босанец и одной рукой крутил длинную ручку вертела, а в другой читал смятую газету. Эта кафана посещается, главным образом, артистами и служащими театра и некоторые, еще со следами грима, продолжают играть роли... Глядя на театр, мне вспомнился наш первый вечер, громадный успех, когда Сараевский «бо монд» узнал и убедился, что мы «кадетская школа», а не «подофицирска».. Ген. Адамович разослал приглашения, конечно, бесплатные, всем именитым сербским семьям, из которых многие не знали, что им делать и обращались за советом к ген. Хаджичу и его супруге. В этот памятный для нас вечер, с другими старшими кадетами, я был на контроле в вестибюле, получив строгое приказание: «никого без приглашений не впускать»... Многие сербы, особенно дамы, пришедшие без приглашения, предлагали крупные суммы в пользу корпуса чтобы войти, но все было напрасно! Помню присутствие офицеров французской миссии в формах, множество сербских офицеров, дам и барышень в бальных платьях и кадет в белых гимнастерках с малиновыми погонами. Во всей зале царило большое оживленье и кадеты разводили гостей по местам. Г-же Хаджич и ее дочери были поднесены программы концерта, на которых наши лучшие рисовальщики Петя Марков и А. Росселевич изобразили почтовые марки и бумажные деньги.

Дочь Хаджича даже поскребла ноготком, чтобы их отклеить!.. Наш хор, с помощью кадет сербов, разучил и пел без акцента гимн Королевства, состоящий из трех: сербского, хорватского и словенского. Вечер открылся его исполнением, вызвавшим восторг и изумление всей сербской публики, особенно, когда после гимна в зале грянуло «Ура!» (верхний ярус был занят младшими кадетами). Впечатление получилось сильное!.. После концертного отделения, имевшего большой вполне заслуженный успех, начался бал, во время которого кадеты учили сербок русским танцам, тем более, что никто из нас не знал появившихся модных танцев: шимми, фокс-трот и другие «стэпы», уроки эти продолжались во многих сербских семьях. Не было забыто и «коло», которому нас учили сербки в свою очередь. Танцами дирижировали кап. Билетов, который прямо превзошел себя, летая по всему залу и вызывая восхищение молодежи. Не обошлось и без комического элемента — как и все кадеты, я повел какую-то сербку в буфет, чтобы и самому воспользоваться и выпить прохладительного оранжада, который, к моему большому удивлению и конфузу, оказался весьма теплым... Объяснилось это тем, что апельсины кипятили в походной кухне, в которой готовили чай и она сохраняет долго тепло и таким образом оранжад не успел остыть... Сербка с трогательным доверием приняла объяснение, что в России пьют «теплое прохладительное»... Все танцующие кадеты много «поработали» во славу корпуса и чтобы развлечь гостей, всюду царило самое непринужденное веселье, когда в один прекрасный момент было объявлено, что вечер кончается. Сербки дружной толпой окружили ген. Адамовича, упрашивая продлить бал, на что он согласился, но нам сказал, что лучше кончить раньше, чем все устанут, тогда останется у всех лучшее воспоминание. Много позже, устраивая вечера, я смог убедиться в том, что он был прав. Долго и много говорили в Сараево о кадетском вечере и в мнении жителей, особенно жительниц, Корпус стал на должное место, т. е. на первое среди всех школ и с честью его сохранил до отъезда в Белую Церковь. Трогательные проводы, устроенные населением города «своему корпусу», лучше всего свидетельствуют о той роли, которую играли кадеты в его жизни и какое чувство сожаленья, особенно у сербок, вызвал их отъезд! Город сразу как бы опустел, когда на улицах не стало больше видно, в отпускные дни, гуляющих подтянутых кадет, лихо козырявших своим и сербским офицерам...

Я заранее предвкушал радость снова увидеть и показать жене Илиджу, маленькое уютное очень симпатичное курортное местечко, недалеко от Сараево, расположенное у подножья высоких, покрытых густым лесом гор, куда, в мое время, ходил из города очаровательный, маленький «теф-теф», весело пробегавший по долине и заканчивавший свое путешествие на станции под сенью развесистых деревьев в большом парке, недалеко от огромной круглой клумбы всевозможных ярких цветов, окруженной отелями, кафе и ресторанами и вокруг которой, особенно вечерами гуляла оживленная многочисленная публика, веселая и беззаботная. Дальше в парке симпатичные дачи и за ними фермы зажиточных крестьян. В Илидже были горячие серные источники и грязи. На дне красивого колодца, где находился источник, стояла хорошенькая девочка в национальном костюме и наполняла кружку, которую спускали с монеткой на веревочке, скверно пахнувшей несвежими яйцами горячей водой... Грязевые ванны, также как и бассейн с горячей голубовато-зеленой водой, находились в крытых помещеньях. Мне удалось уверить нашего корпусного доктора, в том, что «ароматные» грязи и вода будут полезны для моего колена разбитого на гимнастике и сшитого серебряной проволокой еще в России. Он меня отправил в военный госпиталь, откуда на следующий день меня отправили на несколько недель в Илиджу, где я устроился в очень чистом и уютном бараке среди деревьев и густых кустов. В нем уже находился наш кадет Билев, передвигавшийся на костылях и скончавшийся в 1922 году. Вскоре прибыл кадет Болдырев, у которого был солидный ревматизм, что ему не мешало делать хорошо гимнастику и петь... Утром появлялся в бараке красивый сербский «наредник» и кричал: «ауф!», очевидно раньше служил в австрийской армии, нам он очень симпатизировал, особенно после визита ген. Адамовича, которого с его строгим видом, генеральской шинелью и орденом Белого Орла, сербские солдаты боялись больше чем своего начальства... После утреннего туалета и завтрака я шел принимать грязевую ванну, затем душ и отдых на диване, после этого плавал в бассейне с очень горячей водой — в первый раз, когда я в нее прыгнул, она мне показалась ледяной. После обеда я шел купаться в купальню, построенную на протекавшей через Илиджу речонке. Деревянная купальня разделялась на две части — для мужчин и для женщин. Вокруг каждого бассейна были деревянные мостики с кабинками. Предприимчивые молодые

сербы влезали на крыши кабинок, чтобы посмотреть на плавающих сирен, а когда они подымали крик быстро прыгал в свой бассейн. Рассказывали ужасно мрачную историю, как один серб нырнул под женскую кабинку, чтобы посмотреть в щель между досками, как одевалась (или раздевалась) одна девушка, а она зонтиком ему выколола глаз... Долго ходить в купальню мне не пришлось по двум причинам: во-первых, нужно было платить за вход, а во-вторых, сын доктора сказал отцу, что я хожу купаться и я получил нагоняй с угрозой отправиться в корпус! Тогда я стал ходить купаться в ту же речушку, но в поле вне Илиджи, где в одном месте была яма метра в три глубиной. Однажды, искупавшись, я лежал на бережку и загорал, как вдруг увидел, что купавшиеся мальчишки спасаются вплавь во все стороны от одного взрослого, который старается их поймать! Было ясно, что этот человек, не умел плавать, зашел на глубокое место, начал тонуть и хвататься за что мог... Без большого труда я его вытянул на берег, где он быстро пришел в себя, выпустив лишнюю выпитую воду. Это был простой босанский «селяк», который громко выражал свою благодарность и приглашал к себе выпить «црну каву» отчего я отказался.

В садах, окружавших босанские фермы, росли роскошные, крупные, желто-малиновые с синевой, сочные, соблазнительные сливы. Мы с Болдыревым не раз наблюдали, как крестьяне трясли деревья и огромные свиньи, громко чавкая и похрюкивая от удовольствия, уплетали эти чудные сливы, дававшие особенно приятный и нежный вкус салу. Недаром на бумажных деньгах были изображены сливы, из которых гнали душистую «шливовицу» и свиньи, составлявшие предмет вывоза за границу. Дело, конечно, давно прошлое и теперь я могу признаться, что нам иногда удавалось добраться до слив и наполнить ими, не только карманы и фуражки, но даже и гимнастерки... Отчасти это была вина однообразной и неприхотливой кухни сербского солдата, отчасти вина наших размышлений: «чем мы хуже свиней!» В то же время мы открыли очень вкусные яблоки на яблонях, росших прямо среди поля, что почти давало нам право ими подкармливаться.

Вечера в Илидже были в то время для меня прямо волшебные: воздух, еще не охладевший после дневной жары, наполнялся с заходом солнца за лесистые горы, откуда оно долго красило небо прежде чем падали сумерки и наступала темнота, запахом свеже политых цветов, слышались звуки оркестра,

игравшего преимущественно мотивы из оперетток — не так давно здесь была Австро-Венгерская Империя, иногда в глубине парка были слышны чарующие трели соловья и все залитое ярким лунным светом, бросавшим почти черные тени от деревьев на пустынные дорожки. Светлячки зажигали свои фонарики и блестели светлыми точками, перелетая в темноте кустов, смех и разговоры гуляющей беззаботной публики мне живо напоминал наши сады: «фантазия» в Воронеже, Летний в Петербурге, где некогда гуляли Пушкин с Онегиным и где, еще не так давно тоже гуляла веселая, беспечная публика. Сохранив самые лучшие воспоминания об Илидже, я, конечно, хотел показать ее жене. Маленький поезд заменили синие трамваи, идущие довольно часто от набережной. Мы погрузились, не без труда в один из таких синих трамваев, выехавшего довольно быстро из города, который расширяется по долине в сторону Илиджи и вскоре остановился на терминусе... посреди поля! Все вышли и на мой вопрос: «где Илиджа»? — мне показали видневшийся вдали лес, куда мы и побрели... Перешли по мосткам через какой-то бетонированный ров, — будущий канал? — и вошли в прекрасный парк, как и все, хорошо содержимый, где обнаружили красивые клумбы цветов и несколько новых домов кругом, но никаких признаков жизни. К счастью, недалеко была кафана, в которой я узнал от пожилого серба, что серный источник существует, но теперь он закрыт — это было в июне, что от прежних клумб, дач, ресторанов, маленькой станции не осталось ничего!,но чудная аллея в несколько кил. идущая, прямая, как стрела, вдоль высоких гор, покрытых лесом, к источникам Босны, сохранилась. С трудом я нашел, возможно единственную оставшуюся коляску, с кучером в национальном костюме и разукрашенной разноцветными лентами и бубенчиками лошадкой. Он согласился отвезти нас к источникам и там подождать, чтобы мы смогли вернуться на синий трамвай. Короткая поездка была очень приятна: коляска, поскрипывая ресорами, мягко покачивалась, лошадка бодро бежала ровной рысью по прекрасной дороге под высокими тенистыми деревьями, сквозь густую листву которых напрасно старались проникнуть солнечные лучи. С левой стороны дороги круто подымались высокие горы, покрытые непроходимыми кустарниками и деревьями. Мое разочарование, когда я увидел во что превратилась «Врела Босна», по крайней мере с моей точки зрения, т. к. я не люблю «прилизанную» природу и японские садики — какие-то мо-

стики, подстриженные лужайки, водопадики, прудочки. Правда, много красивых цветов и форели, которые можно получить в ресторане. Среди всего этого бродит немногочисленная публика, больше молодежь. Мы не остались долго и наш возница, терпеливо ожидавший, отвез нас по той же чудной аллее до опушки парка и сказал, что дальше он везти не может... Мы ошлепали еще раз пару километров и усталые, вернувшись в Сараево на синем трамвайчике, пошли отдыхать в нашу кафану, где нас ожидал жареный барашек...

. . . Конечно в Сараево остались здания: казарма Франц Иосифа — наш корпус, ратуша, театр, баня, куда мы ходили, костел и православная церковь, невзрачные и требующие ремонта, все еще видны, теперь молчаливые, минареты, но во дворе Беговой Джамии не видно правоверных, совершающих ритуальное омовение; попрежнему течет по перекатам Милячка, с перекинутыми через нее мостами, но та жизнь, свидетелями и участниками которой мы были, та беззаботная жизнь под защитой стен корпуса, для многих после всяких лишений на фронте и трагедии эвакуации Русской армии, среди наших офицеров и преподавателей в нашем городе Сараево, защищенном высокими горами и где мы никогда не чувствовали себя беженцами, потерявшими Россию, ТА ЖИЗНЬ прошла давно и безвозвратно, но несмотря на то, что с тех пор прошло больше пол века, ни на то, что грозные события разбросали нас по всему свету НИКОГДА я не забуду дорогих однокашников и эти годы моей молодости.

Г. Гуторович. Р.К.К.

БИБЛИОГРАФИЯ

«НАШИ ВЕСТИ».

Так называется ежемесячный журнал издаваемый Союзом чинов Русского Корпуса, под редакцией есаула Д. П. Вертепова. Несмотря на скромные размеры журнала, содержание его разнообразно и довольно обширно: политические обзоры, статьи на исторические и военные темы, воспоминания, беллетристика и, разумеется, жизнь Союза, некрологи, отчеты о Съездах и собраниях и различные сообщения из всех мест рассеяния членов организации.

В каждом номере журнала, на обратной стороне верхней обложки и на обоих сторонах задней, помещается большое количество фотографий, представляющих собой большой исторический интреес. Эти фотографии посвящены не только жизни Союза, но в не меньшей степени и различным моментам жизни русской армии, начиная с войны 1914-17 г.г. и кончая пребыванием на Балканах, после эвакуации Крыма. Большой интерес в журналах за 1973 год вызывают фотографии русских соколов и соколок, и их участие в сокольских слетах в Болгарии.

Для нас, кадет, особенный интерес представляет собой групповой снимок в №327 (1 сент. 1973 г.), изображающий XIX выпуск Хабаровского кадетского корпуса, в 1923 году, в Шанхае. Фотография, безусловно, редкая и на нее нельзя смотреть без душевного волнения, настолько кажутся знакомыми фигуры кадет в мундирах с золотым галуном и эти юношеские лица тех, кто прославил имя русских кадет в далеком Китае.

Журнал производит очень хорошее впечатление также и своим внешним видом. Он печатается чисто и аккуратно и, необходимо заметить, в нем совершенно отсутствуют опечатки и ошибки, которыми к сожалению грешат многие наши зарубежные издания. Можно сказать с уверенностью, что каждый читатель найдет в каждом номере много материала, представляющего большой интерес даже для тех, кто не имел никакого отношения к Русскому Охранному Корпусу.

А. Росселевич.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ.

Можно ли получить дополнительные сведения о Тамбовском Кад. Корпусе?

В воскресном номере НРС от 10. 2. с. г. помещена статья Елены Козловской «От холопа Никиты до Сикорского».

Знакомая читателя с краткой биографией известного научного деятеля, Алексея Лодыгина, автор статьи пишет:

«В 1851 г. Лодыгин был определен в Тамбовский Кадетский Корпус, а в 1861 г. был переведен в Михайловский Воронежский Корпус».

Приблизительно те же данные были напечатаны в том же НРС в другой статье, другого автора о Лодыгине еще в 1973 году.

Если не изменяет память то в статье 1973 года было указано, что Кадетский корпус в Тамбове был не полный, т. е. сотоял исключительно из младших классов.

Так как Е. Козловская указывает и время пребывания Лодыгина в Тамбовском Кадетском Корпусе — от 1851 до 1861 г., — а также указывает и дату рождения Лодыгина выходит, что Лодыгин был определен в Кадетский Корпус в Тамбове четырех лет отроду и оставался в нем до 14-ти летнего возраста.

Судя по этим данным в Тамбовском Корпусе были исключительно подготовительные классы (что-то вроде детского сада, начальной школы и первых четырех классов средних учебных заведений).

Было бы интересно узнать больше подробностей: О быте, жизни, воспитании, программе обучения, форме, как и о точной дате основания и расформирования Тамбовского Кадетского Корпуса.

Также было бы интересно узнать были ли еще в России такие КОРПУСА как Тамбовский, где и причину их расформирования.

Может быть кто-либо из читателей «Переклички» мог бы ответить на интересующие меня вопросы?

Алексей Мальчевский.

ПАМЯТИ УШЕДШИХ

СМЕРТЬ ГЕРОЯ.

Без больших боев, победоносная армия двигалась к столице Югославии, обходя город Белград с тыла на несколько десятков километров.

Встречало население Югославии советскую армию с радостным сердцем и душой.

В селах, через которые проходили войска, на улицах стояли столы с угощением. Столы ломились от еды, вина и ракии.

Красивые девушки и молодые женщины угощали воинов. Подвыпившие солдаты, увидев красивых женщин, начали грубо за ними ухаживать.

Произошло замешательство среди встречавших. Женский пол начал убегать в дома, скрываться.

Как на зло, ни одного офицера поблизости.

Увидев безобразие своих земляков, шофер с грузового автомобиля подошел к группе скандалистов и сказал:

— Мы жили здесь двадцать лет и старались не запятнать русское имя. А вы пришли и сразу осрамили это чистое и безупречное имя.

Несколько разбитных парней об этих словах доложили старшему офицеру. Шофера арестовали. Начался допрос.

— Кто вы такой, спросил офицер.

— Белогвардеец. Корнет 12-го Уланского Белгородского полка. Родился в России. Учился в Одесском, Его Императорского Высочества Вел. Князя Константина Константиновича, Кадетском Корпусе. В Югославии закончил Русский Кадетский Корпус и Николаевское Кавалерийское Училище. Служил шофером у немцев. Отступая, под Киевом попал в плен. На службу меня взял командир батальона, капитан X.

— О себе я подробно рассказал капитану. Комбат. дал мне форму и я находился все время в войсках.

— Здесь я нашел нужным остановить своих земляков, забывших о своей святой должности.

Военный суд приговорил белогвардейца к смертной казни.

Корнета вывели. Он спокойно стоял и смотрел на группу красноармейцев, стоявших против него, ожидая команды.

Вспомнил корнет как и его отца арестовали красные и расстреляли за то, что он был офицером и защищал свою Великую Родину от врагов.

Офицер подошел к корнету и хотел завязать ему глаза.

— Я не нуждаюсь в этом, спокойно ответил корнет, любивший свою Родину не меньше своих соотечественников.

Отказ завязать глаза очень понравился всем начальникам.

— Смотрите, как умирает белогвардеец, сказал старший офицер.

Раздался залп. Корнет АНАТОЛИЙ ВИКТОРОВИЧ ДЫЛЕВСКИЙ погиб не от немецкой пули, а от пули сделанной на его великой и любимой Родине.

Честь и слава Тебе, благородный корнет!

Твои однокашники и однополчане, разбросанные по всему миру будут чтить Твою память пока живы.

Анатолий Чириков. Кр.К.К.

(Отрывок из его книги "Корнет Беднаго")

Примечание автора: Это правда! В день прихода красной армии в городок Жабары, я как и все жители, смотрел на советские войска. Через несколько минут после прохождения войск я увидел своего однокашника, А. Дылевского, в советской форме, как он нес с одним красноармейцем коробку скоростей.

Он меня не видел, а я о себе не мог дать знать потому что не заал каким образом он попал к красным на службу. Вернувшись в Белград, я через несколько недель встретил товарища по Училищу и рассказал о моей встрече. Он мне сообщил о расстреле Дылевского. Дело в том, что в этом городке работал геометром один наш корнет. Когда советчики заняли городок, то нашли жену этого геометра и взяли ее переводчицей. Все подробности о расстреле она рассказала. Покойный А. Дылевский был Генералом выпуска в Корпусе и Николаевском Кав. Училище.

ЕВАНГЕЛ МИХАЙЛОВИЧ ПЕРФИЛЬЕВ.

Шестого октября прошлого года, в Калифорнии скончался Евангел Михайлович Перфильев.

Забайкальский казак, Евангел с ранних лет был воспитанником 1-го Сибирского Императора Александра I Кад. Кор. в Омске. В составе Корпуса, вместе со своими старшими братьями, Игорем и Семеном, эвакуировался в 1922 г. с Русского острова под Владивостоком в Шанхай. Непобежденными и не сломленными уходили с родной земли белые русские воины. С ними покинул Родину и I Сибирский Корпус. После почти двух-летнего пребывания в Шанхае, Корпус был перевезен в конце 1924 г. в Югославию и расформирован. Евангел Михайлович со своими братьями был определен в Донской Императора Александра III Кад. Кор., находившийся в г. Билече. Окончив Корпус в 1932 г., Евангел поступил на Технологическое отделение Белградского Университета и вышел в жизнь инженером технологом.

Еще с детских лет, покойный отличался исключительными качествами душевной простоты и сердечной доброты, которыми невольно привлекал сердца своих товарищей и за которые получил такое простое и теплое прозвище — Паря, сохранившееся за ним до конца его дней. За добродушной, широкой улыбкой таился глубокий и пытливый ум, вместе с сердцем искавший русскую правду. Он как бы испытывал жизнь. Но даже в разгуле, в нем чувствовалась большая детская душа, простая и широкая, как Сибирь и девственная, как сибирская тайга.

Корпус, говорил Паря, был мне отцом и матерью. И традиции Корпуса с его девизом: «положить живот за други своя» еще больше усугубили его природные душевные качества и впоследствии, в боях второй Мировой войны, он не раз рисковал своей жизнью за своих товарищей по оружию.

Паря был прекрасный гимнаст, что называется — не ладно скроен, но крепко сшит. Был членом русского и сербского сокольства в Белграде, и в 1935 г. был послан, как представитель Югославии, на Олимпиаду в Берлин, где занял второе место по легкой атлетике.

Прибыв в США, он принимает участие в организации Русского Сокола и проводит там вечерние занятия с молодежью. Многие помнят его сольные веступления на Сокольских вечерах. В Соколе же хранятся его медали и отличия, полученные им на разных американских состязаниях, как почетным членом «Олимпик клуб».

Однако, достигнув такой гармоничности своих телесных свойств, душа Пари продолжала искать другую правду, еще более возвышенную. Он как бы подготовлял свое тело к усовершенствованию духовному.

«Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим и всею душею твоею, и всем разумением твоим, и ближнего твоего, как самого себя» (Лук. X) и «Блажени непорочни, в путь ходящии в законе Господни», — вот те основные заповеди, и та «Правда», которых искала и к которым стремилась душа покойного. Металась и искала и, когда нашла, — гармонично сочеталась со всеми остальными качествами. Здесь мы подходим к главному периоду его жизни, когда под влиянием чтения святоотеческих Писаний, благодаря прежним переживаниям, начиная еще с детских лет, Евангел возрождается духовно и начинает стремиться к сознательному служению Бо-

гу и людям и всю свою кипучую деятельность посвящает Православной Церкви, с осознанной целью стяжания Духа Святого.

В 1959 г., 6-го августа, в день Преображения Господня, Владыка Тихон посвящает Евангела в чтецы в старом соборе Пресвятой Богородицы всех скорбящих Радости.

Считая это первой ступенью на пути к получению священства, Евнагел начинает интенсивно подготовлять себя к этому ответственному служению: выписывает и достает редкие священные книги, главным образом с Афона, прилежно изучает устав церкви, берет уроки церковного чтения и пения. Он неизменно в церкви и читает ежедневно на клиросе. В то же время он ведет строгую, почти аскетическую жизнь: прилежно соблюдает все посты, совершенно отказывается от мяса, отстаивает ночные часы на молитве, кладет частые земные поклоны.

Желая и в то же время страшась, по своему недостоинству, высокого благодатного служения, он по своему смирению никогда не дерзал сам просить сана священства, указывая при этом на примеры жизни св. Иоанна Златоуста и св. Григория Богослова.

Самым же значительным в своей жизни считал он то, что удостоился добровольно и беззаветно послужить верой и правдой двум архиереям нашей Зарубежной Церкви. Сначала он послушник Владыки Тихона, которому он преданно служит четыре года по послушанию всем своим сердцем, всею душою и всем достоянием своим. А затем он бессменный «служка» Влад. Иоанна, которого он возит три года в своем автомобиле. Утром он доставляет его из дома св. Тихона Задонского в новый собор Пресвятой Богородицы, а затем сам спешит на работу. Вечером, после работы, он везет владыку по госпиталям, посещать больных.

В каморке около свечного ящика, в старом соборе Пресвятой Богородицы всегда висел список желающих возить Влад. Иоанна, с обозначением против каждой фамилии свободных для этого часов. Евангел Михайлович исходил не из того, когда ему было удобно и против его фамилии стояло ночью.

Когда возник вопрос росписи нового собора, Евангел принимает в этом деятельное участие, являясь членом и одним из основателей О-ва «Ревнителей Русской Православной Иконы». С помощью о-ва проводятся две выставки Русской Православной Иконы с целью ознакомления русских православных лю-

дей с древне-русской иконописью. С этой же целью он помогает издать два номера журнала «Наследие». Наконец, он лично на свои средства издает икону Всех Скорбящих Радости, запрестольный образ нового собора, для умножения ее в тысячах экемпляров и для распространения среди наших православных людей.

Все возвышенное, святое неизменно находило отклик в душе Евангела и претворялось в дело. Находясь в непосредственной близости наших владык, он и сам обогатился духовно. По мере сил своих стремился он подражать им в посте и молитве и делании добрых дел.

Проживая последнее время на Русской Речке, где имеется летняя церковь Казанской Иконы Божней Матери, в которой он всегда читал, Евангел Михайлович, казалось бы, имел сравнительно больше времени для того, чтобы посвятить его себе. Вдали от городского шума и суеты, он углубляет свой молитвенный подвиг: в его подвале, как в кельи, постоянно горит лампада перед иконами, на аналое лежат тяжелые богослужебные книги, псалтырь и Евангелие, и он, скрестив руки на груди, выстаивает на молитве.

Он вычитывал весь круг богослужений и службы святым, положенные Уставом Церкви на каждый день, вставая до рассвета, и в поздние ночные часы. Так свято выполнял он свою обязанность чтеца, почитая и ублажая память святых пророков Божиих, апостолов и святителей.

Днем он неустанно трудился, работая все своими руками, по слову апостола, питаясь от дел рук своих.

В этом маленьком месте, где нет ни магазинов, ни лавок, где немногочисленная русская колония состоит почти исключительно из беспомощных вдов пенсионеров, его «золотые руки», как его здесь прозвали, сделали много добрых дел ближним. Его исключительное усердие и умение разобраться, почти в каждом деле, делают его незаменимым. Его буквально разрывают на части и он, никому не отказывая, спешит на помощь по первому зову, считая своей священной обязанностью помочь ближнему.

На замечание жены — пощадить себя, он с горечью восклицает: «какая же ты христианка!»

Подчиняя свое тело посту и молитвенному бдению, он не щадил своих сил, желая, по апостолу — «разлучиться и с Господом быть».

Заветной мечтой Евангела Михайловича было построить собственными усилиями храм Божий, сначала на Русской Речке, а затем, когда это не удалось, он старался помочь осуществить это русской колонии в Калистоге — оставить там потомству достойный памятник древне-русского зодчества.

Он разрабатывал чертежи и планы храма и накануне, за два дня до смерти был в Калистоге у местных властей, испрашивая их разрешения.

Хотел он построить храм Божий на земле, но вместо этого попал в нерукотворный Храм на небе.

Скромный и смиренный, всегда готовый услужить ближнему своему он навсегда и останется в нашей памяти, как верный сын Православной Церкви. Служивший двум архипастырям, мы верим, что предстоит он им ныне на небе, как предстоял он им здесь на земле.

Идеже они, тамо да будет и слуга их.

Ушел от нас Евангел Михайлович в расцвете своих духовных сил. И будем верить, что обрел он Вечную Правду.

Вечная память тебе, Паря, и да будет легка тебе чужая земля.

Добавим еще примечательную деталь. Евангел Михайлович почитал великого христианина и большого русского человека — Суворова. В затруднительных случаях, когда нужно было принимать решение, Евангел говорил: «А, как бы поступил Суворов?». После этого он принимал прямое и честное решение и уже никогда не отступал от него.

Друг детства.

ПАМЯТИ О. ЛЕОНИДА КАЗАНЦЕВА.

С глубокой грустью прочел несколько строк, написанных супругой Леонида Казанцева. Читал и не верил, что больше нет того милого ласкового подпоручика югославской армии, с которым судьба свела меня в немецком плену в лагере Колдиц. Тогда он был едва оперившимся птенцом, так несчастно начавшим свою молодую самостоятельную жизнь, попав в плен. Все мы его любили за какую-то особенную скромность и безропотность. Вопреки всем нашим возмущениям и недовольствам в связи с голодом и разными лишениями вражеского плена, Леня никогда не возвышал своего голоса и терпеливо без жалоб переносил многое. Нет, в нем не было ничего упад-

ничеcкого, он так же как и мы осуждал многое, но делал это спокойно, всегда стараясь найти нужное объяснение. В нашей сплоченной группе, где большинство были кадетами: Коля Жемчужников, Алеша Мурзин, я, Костя Граф, Сучков и др. как и сам Леня, были еще и бывшие гимназисты: Игорь Жариков, Коля Краснов... Были и офицеры из польской и французской армии... И вот на всех нас Леничка действовал как-то особенно успокаивающе. По моим понятиям, просто был каким-то сдерживающим началом.

Это было 33 года тому назад...

Первую весть о Лене Казанцеве я получил от Николая Краснова («Незабываемое») которому, наконец, удалось вырваться из красного ада и соединиться (правда не надолго) со своею семьей.

Пока был жив Коля Краснов, я имел сведения и о Лене. У него просто не было времени для переписки: на руках была большая семья и надо было без устали работать, чтобы прокормить и вывести детей в люди.

Со смертью Коли получился какой-то провал. И только благодаря прочитанному мною объявлению в «Русской жизни» о бедствии диакона Леонида Казанцева у меня появилась мысль: «Не наш ли это Ленечка, бывший вице-унтер-офицер XVI выпуска и артиллерийский подпоручик Королевской Югославской армии?»

Я вложил свою лепту в конверт и отослал по указанному в газете адресу, фактически не зная, кому именно посылаю.

Тогда же в письме я попросил написать, идет ли речь именно о нем (ибо о принятии им сана диакона мне ничего не было известно) или о его однофамильце. Вскоре пришел ответ, довольно грустный, хотя было видно по всему, что он бодрится и на что-то надеется. Да это был именно наш Ленечка. Он благодарил за помощь и уверил меня, что не имеет никакого представления, кто был его доброжелателем, давшим о нем сведения в «Русскую Жизнь». И дальше его исключительная скромность пронизывала все письмо. Он писал о своих неудачах, о болезни, о последней операции его матери, когда у нее была ампутирована уже вторая нога, но уверял меня, что все входит в свою колею, что скоро он снова будет работать маляром и просил меня передать благодарность всем за оказанную денежную помощь и просил прекратить сбор ибо, как написал, «вероятно есть еще и более нуждающиеся»...

И вот, 27-го января с. г. он скончался.

«От чего, точно не знаю», пишет его вдова, мать осиротевших детей, еще не успевших стать на ноги.

Его врача в это время не было в городе.

После двух месяцев слабости, появившейся после операции, поднялась температура начались рвоты, икота, потеря сознания. Агония длилась неделю. Прошу Вас о нем молиться...»

Лично от самого себя, от своих однокашников Княже-Константиновцев прошу всех, кто знал его или отозвался своим пожертвованием, помолиться о душе усопшего ОТЦА ДИАКОНА и ВОИНА ЛЕОНИДА.

Еще один крестик, еще одно имя прибавилось в СИНОДИКЕ ушедших наших однокашников.

Да будет Тебе легка чужая, далекая Аргентинская земля.

Мир праху Твоему, друг Леонид, Ленечка.

Алексей Мальчевский.

16 февраля 1973 г. скончалась
в Сан Франциско, Кал.
ОЛЬГА ВЛАДИМИРОВНА МАНАКИНА
дочь генерала-лейтенанта Римского-Корсакова
Директора Крымского Кадетского Корпуса.

5 марта 1974 г., на 66-м году жизни скончался от инфарта кадет Крымского Кадетского Корпуса выпуска 1927 года, инженер

ГЕОРГИЙ НИКОЛАЕВИЧ АЛЕКСЕЕВ.

Смерть наступила во сне, принеся большое горе родным, друзьям и приятелям, которые ценили его, как человека высоких моральных качеств, скромного, прекрасного семьянина и уважаемого в кругу своих друзей и сослуживцев. Тело покойного было похоронено в фамильном склепе на кладбище «Кампо Гранде» в г. Сан Пауло, в присутствии множества народа.

Да подаст Господь вечный покой нашему дорогому другу Юре Алексееву, а семье и родственникам выражаю от лица кадет в Бразилии, наше искреннее соболезнование в постигшем их тяжелом горе.

А. Политанский.

Printed by "Monastery Press", 8011 Champagneur Ave., Montreal, Que. Canada.